

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ



Kum

Редьярд Киплинг

Ким

Издательство «РИМИС»

1901

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Киплинг Р. Д.

Ким / Р. Д. Киплинг — Издательство «РИМИС», 1901

Перед Вами величайшее творение Киплинга – роман «Ким», в котором выражена любовь автора к Индии, стране его детства и юности. Марк Твен говорил об этой книге, что ее всю пропитывает «глубокое и тонкое очарование Индии». Герой книги Кимбол О'Хара – сирота, сын солдата-ирландца, служившего в индийской армии. Он – подросток, выросший в среде индийцев, органично в нее вошедший, усвоивший как лучшие, так и не самые хорошие привычки и традиции страны. Ким чувствует себя как рыба в воде в караван-сараях, на шумных базарах и улицах, на большой дороге, по которой он идет вместе со своим товарищем по путешествию – тибетским ламой. Действие романа происходит на территории Индии и Пакистана, где сталкиваются интересы двух великих держав: России и Великобритании. Спецслужбы этих государств ведут Большую Игру за влияние во Внутренней Азии. Попав в поле зрения английской разведки, Ким вливается в ее ряды...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Киплинг Р. Д., 1901
© Издательство «РИМИС», 1901

Содержание

Глава I	6
Глава II	22
Глава III	32
Глава IV	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Джозеф Редьярд Киплинг

Ким



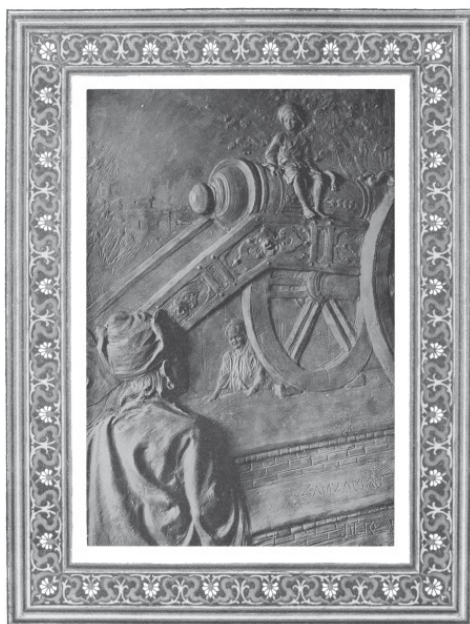
Иллюстрации к первому изданию романа были выполнены отцом писателя Джоном Локвудом Киплингом.

Глава I

*На Страшный суд идти и вам.
Чужой не презирайте храм,
Где Будде курят фимиам
Язычники в Камакуре!*
«Будда в Камакуре»

Вопреки запрещению муниципальных властей, он сидел верхом на пушке Зам-Заме, стоявшей на кирпичной платформе против старого Аджайб-Гхара, Дома Чудес, как туземцы называют Лахорский музей. Кто владеет Зам-Замой, этим «огнедышащим драконом», – владеет Пенджабом, ибо огромное орудие из позеленевшей бронзы всегда служит первой добычей завоевателя.

Но Кима, пожалуй, можно было оправдать. Он спихнул с *цапфы* пушки сынишку Лалы Динантха, поскольку англичане владели Пенджабом, а Ким был англичанин. Хотя он был загорелым до черноты, не хуже любого туземца, хотя предпочитал говорить на местном диалекте, ибо на своем родном языке изъяснялся плохо, путаясь и проглатывая слова, хотя водился с базарными мальчишками на началах полного равенства, Ким был белым – бедным белым из самых беднейших. Метиска, у которой он воспитывался (она курила опиум и держала лавочку старой мебели на площади, где стояли дешевые извозчики), уверяла миссионеров, что она сестра его матери, но мать Кима была няней в семье одного полковника и вышла замуж за Кимбола О'Хару, молодого знаменщика ирландского полка Меверикцев. Впоследствии знаменщик поступил на Синдо-Пейджабо-Делийскую железную дорогу, и полк его вернулся на родину без него. Жена умерла от холеры, в Фирозпуре, а О'Хара начал пьянствовать и таскаться вверх и вниз по линии вместе с востроглазым трехлетним младенцем. Благотворительные общества и капелланы, беспокоясь за ребенка, пытались его отобрать, но О'Хара перебирался дальше, пока не встретился с женщиной, которая курила опиум. Он перенял от нее эту привычку и умер, как умирают в Индии неимущие белые. Ко времени смерти все его имущество сводилось к трем бумагам: одну из них он называл своим *ne varietur*, ибо эти слова стояли на ней под его подписью, а другую – своим «свидетельством об увольнении».



Пушка Зам-Зама

Третьей была метрика Кима. Эти бумаги, говаривал он в блаженные часы после трубки опиума, сделают из маленького Кимбола человека. Ни в коем случае не должен Ким расставаться с ними, ибо они являются атрибутами великого колдовства, которым занимаются люди там, за Музеем, в большом синем с белым – Джаду-Гхаре – Волшебном Доме, как мы называем масонскую ложу. Он говорил, что наступит день, когда все пойдет хорошо и охотничий рог Кима будет высоко вознесен меж столпами, громадными столпами красоты и мощи. Сам полковник верхом на коне, во главе лучшего в мире полка, будет сопровождать Кима, маленького Кима, который пойдет дальше своего отца. Девятьсот перворазрядных дьяволов, чей бог – Красный Бык на зеленом поле, будут служить Киму, если они не забыли О'Хару, бедного О'Хару, десятника на Фирозпурской линии. Потом он начинал горько плакать, сидя на веранде в сломанном камышовом кресле. Итак, после его смерти женщина зашила пергамент, бумагу и метрику в кожаный гайтан и повесила его Киму на шею.

– Наступит день, – сказала она, смутно припоминая пророчества О'Хары, – и к вам придет большой Красный Бык по зеленому полю и полковник верхом на высоком коне и, – тут она перешла на английский язык, – и девятьсот дьяволов...

– А, – промолвил Ким, – я запомню. Явятся Красный Бык и полковник верхом на коне, но отец говорил, что сначала придут два человека, чтобы подготовить почву. Отец говорил, что так они всегда делают и так бывает, когда люди занимаются колдовством.

Если бы женщина послала Кима с этими бумагами в местный Джаду-Гхар, провинциальная ложа, конечно, забрала бы его и послала в масонский сиротский приют, в Горы, но она относилась с недоверием ко всему, что слышала о колдовстве. Ким тоже имел на этот счет свое мнение. Выйдя из младенческих лет, он научился избегать миссионеров и белых людей с серьезными лицами, которые расспрашивали его, кто он такой и что делает, ибо Ким с огромным успехом ничего не делал. Правда, он знал чудесный окруженный стенами город Лахор, начиная от Делийских ворот и до форта Дитча; был запанибрата с людьми, которые вели жизнь столь странную, что она и *Харун-ар-Рашиду* не могла бы во сне присниться, и сам жил безумной жизнью героев «Тысячи и одной ночи», но миссионеры и секретари благотворительных обществ не могли понять ее красоты. В городе его прозвали Дружком Всего Мира; и очень часто, будучи гибким и незаметным, он ночью на кишевших людьми крышах исполнял поручения лошених и блестящих молодых людей из высшего света. Конечно, поручения эти были связаны с любовными интригами, – это-то он понимал, ибо успел узнать все дурное, едва начал говорить, – но он любил игру ради самой игры: бесшумное скольжение по темным улицам и переулкам, лазанье по водосточным трубам, ночные тени и звуки женских голосов на плоских кровлях и стремительное бегство с крыши на крышу под покровом жаркой тьмы. Он вел тесную дружбу со святыми людьми, обсыпанными золой факирами, сидящими у кирпичных храмов, поддеревьями, на речном берегу; приветствовал их, когда они возвращались со сбора милостыни, и, если никого не было поблизости, ел с ними из одной чашки. Воспитательница его настаивала со слезами, чтобы он носил европейский костюм – штаны, рубашку и потертую шляпу, но Ким считал более удобным одеваться как индус или мусульманин, когда занимался некоторыми делами. Один из светских молодых людей – тот самый, которого нашли мертвым на дне колодца в ночь землетрясения, – подарил ему однажды полное индуистское одеяние – костюм уличного мальчика низкой касты, и Ким спрятал его в потайном месте, под балками на деревянном складе Нила-Рама, за Пенджабской судебной палатой, где душистые деодаровые бревна сохнут после сплава по реке Рави. Готовясь к работе или проказам, Ким надевал свое «имущество» и под утро усталый возвращался на веранду, накричавшись в свадебной процессии или навизжавшись на индуистском празднестве. Иногда в доме оказывалась пища, но чаще ее не было, и Ким шел поест со своими туземными друзьями.

Барабания пятками по Зам-Заме, он то и дело отвлекался от игры «в короля и замок», которой занимался с маленькими Чхота-Лалом и сыном продавца сластей Абдуллой, чтобы сделать оскорбительное замечание по адресу туземца-полицейского, сторожившего обувь посетителей, рядами выставленную у дверей Музея. Рослый пенджабец снисходительно ухмылялся: он давно знал Кима. Знали его и водонос, поливавший пыльную улицу из мешка козлиной кожи, и музейный столяр Джавахир-Сингх, склонившийся над новыми упаковочными ящиками, и все, кто были поблизости, за исключением крестьян, спешивших в Дом Чудес поглядеть на вещи, сделанные в их округе и других местах. В Музее были собраны образцы индийского искусства и ремесел, и всякий человек, ищущий знания, мог попросить объяснений у хранителя.

– Прочь! Прочь! Пусти меня наверх! – кричал Абдулла, карабкаясь по колесу Зам-Замы.

– Отец твой был пирожник, а мать украла *гхи*, – пел Ким. – Все мусульмане давным-давно свалились с Зам-Замы.

– Пусти меня! – визжал маленький Чхота-Лал. На голове у него была шапочка, вышитая золотом, а состояние его отца достигало полумиллиона фунтов стерлингов, но Индия – единственная демократическая страна в мире.

– Индусы тоже свалились с Зам-Замы. Мусульмане спихнули их. Отец твой был пирожник...

Он умолк, ибо из-за угла, со стороны шумного Моти-Базара, волоча ноги, шел человек, подобного которому Ким, полагавший, что знает все касты, никогда не видел. Ростом он был около шести футов, одет в собранную бесчисленными складками темноватую ткань вроде лошадиной попоны, и ни в одной из этих складок Ким не мог отыскать признаков какой-либо известной ему отрасли торговли или профессии. За поясом у него висели длинный железный пенал ажурной работы и деревянные четки, какие носят святые. На голове у него была шапка, похожая на огромный берет. Лицо желтое и морщинистое, как у Фук-Шина, базарного башмачника – китайца. Глаза, чуть скошенные кверху, казались щелками из оникса.

– Это кто? – спросил Ким у товарищей.

– Должно быть, человек, – ответил Абдулла, выпучив глаза, и засунул палец в рот.

– Без сомнения, – подтвердил Ким, – но он не похож ни на одного индийца, которого я когда-либо видел.

– Может, он жрец, – сказал Чхота-Лал, заметив четки. – Гляди! Он идет в Дом Чудес!

– Нет, нет, – произнес полицейский, качая головой, – я не понимаю вашего языка. – Полицейский говорил на пенджаби. – Эй, Друг Всего Мира, что он такое говорит?

– Пошли его сюда, – сказал Ким и, сверкнув голыми пятками, соскочил с Зам-Замы – Он – чужеземец, а ты – буйвол.

Человек растерянно повернулся и направился к мальчикам. Он был стар, и от шерстяного халата его еще несло неприятным запахом чернобыльника горных ущелий.

– О дети, что это за большой дом? – спросил он на хорошем урду.

– Это Аджайб-Гхар. Дом Чудес! – Ким, отвечая старику, не употребил ни одного из обычных обращений, как, например, лала или миян. Он не мог угадать вероисповедание этого человека.

– А! Дом Чудес! А можно войти туда?

– Над дверью написано, что все могут входить.

– Бесплатно?

– Я вхожу и выхожу, а я не банкир, – засмеялся Ким.

– Увы! Я старый человек. Я не знал, – и, перебирая четки, он обернулся в сторону Музея.

– Какой вы касты? Где ваш дом? Вы пришли издалека? – спрашивал Ким.

– Я пришел через Кулу, из-за Кайласа, но что вы об этом знаете? С Гор, – тут он вздохнул, – где воздух и вода свежи и прохладны.

– Ага! *Хитай* (китаец), – гордо произнес Абдулла. Фук-Шин как-то раз выгнал его из своей лавки за то, что он вздумал плевать на божка, стоявшего над обувью.

– *Пахари* (горец), – промолвил маленький Чхота-Лал.

– Да, дитя, горец, с Гор, которых ты никогда не увидишь. Ты слышал о Бхотияле (Тибете)? Я не хитай, я *хотия* (тибетец), лама, или, скажем, *гуру* по-вашему, раз уж ты хочешь знать.

– Гуру из Тибета, – промолвил Ким. – Таких я еще не видывал. Значит, в Тибете есть индусы?

– Мы – последователи Срединного Пути и мирно живем в наших монастырях, а я собрался посетить Четыре Священных Места раньше чем умру. Ну, теперь вы – дети – знаете столько же, сколько я – старик. – Он добродушно улыбнулся мальчикам.

– Ты ел?

Он порывлся у себя за пазухой и вытащил потертую деревянную чашу для сбора подаяния. Мальчики кивнули. Все знакомые им жрецы просили милостыню.

– Сейчас я есть не хочу. – Он поворачивал голову, как старая черепаха на солнце. – Правда ли, что много священных изображений хранится в лахорском Доме Чудес? – Он повторил последние слова, как бы желая удостовериться, что адрес правилен.

– Это верно, – сказал Абдулла. – Он набит языческими *бутами*. Значит, ты тоже идолопоклонник?

– Не обращай на него внимания, – сказал Ким. – Это – правительственный дом, и там нет идолопоклонства, а только *сахиб* с белой бородой. Пойдем со мной, я тебе покажу.

– Чужеземные жрецы едят мальчиков, – прошептал Чхота-Лал.

– А он чужеземец и *бут-параст* (идолопоклонник), – сказал мусульманин Абдулла.

– Он – новый человек. Бегите к своим матерям, спасайтесь у них на коленях. Пойдем!

Ким с треском повернул турникет, автоматически регистрирующий посетителей. Старик последовал за ним и остановился в изумлении. В вестибюле стояли самые крупные образцы греко-буддийской скульптуры, созданные – ученые знают когда – забытыми мастерами, чьи искусные руки таинственным образом сумели придать своим произведениям греческий стиль. Тут были сотни экспонатов: фризы с рельефными фигурами, фрагменты статуй, усеянные фигурами плиты, которые некогда покрывали кирпичные стены буддийских *стун* и *вихар* Северной Страны, а ныне, откопанные и снабженные ярлыками, были гордостью Музея. С раскрытым от изумления ртом лама поворачивался то в одну, то в другую сторону и, наконец, застыл в восхищении перед большим горельефом, изображавшим коронавание, или апофеоз, Будды. Учитель был представлен сидящим на лотосе, лепестки которого были высечены так глубоко, что, казалось, почти отделялись от плиты. Вокруг него в благоговении располагалась целая иерархия царей, старейшин и древних Будд. Внизу были покрытые лотосами воды с рыбами и водяными птицами. Два *дева* с крыльями, как у бабочек, держали венок над его головой. Над ними два других несли зонт, увенчанный головным убором Бодисатвы, усеянным драгоценными камнями.

– Владыка! Владыка! Это сам Шакьямуни! – лама чуть не всхлипывал. Он потихоньку начал напевать чудесную буддийскую молитву:

Его Закон, его и Путь.
Его вскормила Майи грудь...
Ананды другу верным будь.

– И он здесь! Наивысший Закон тоже здесь! Мое паломничество хорошо началось. И какая работа! Какая работа!

– Сахиб вон там, – сказал Ким и проскользнул вбок, между шкафами отдела искусств и ремесел. Белобородый англичанин смотрел на ламу, а тот важно повернулся, поклонился ему и, порывшись в халате, вытащил записную книжку и клочок бумаги.

– Да, это мое имя, – улыбнулся хранитель, глядя на детски неуклюжие печатные буквы.

– Один из нас, совершивший паломничество по святым местам, – теперь он настоятель монастыря Ланг-Чо – сообщил его мне, – запинаясь произнес лама. – Он рассказывал обо всем этом, – лама сделал широкий жест худой дрожащей рукой.

– Добро пожаловать, о лама из Тибета! Тут хранятся священные изображения, я же, – он взглянул лама в лицо, – нахожусь здесь, чтобы накапливать знания. А сейчас пройдем в мой кабинет. – Старик дрожал от волнения.

Кабинет был просто-напросто чуланом, отделенным деревянной перегородкой от галереи, где были выставлены статуи. Ким лег на пол, приложив ухо к щели в растрескавшейся от жары кедровой двери, и, повинуясь своему инстинкту, приготовился подслушивать и наблюдать.

Большая часть беседы была ему совершенно непонятна. Лама вначале нерешительно рассказывал хранителю о своем родном монастыре Сач-Зене, расположенном против Крашенных Скал, на расстоянии четырех месяцев пути отсюда. Хранитель вынул огромный альбом с фотографиями и показал ему этот монастырь, громоздящийся на скале над обширной долиной, сложенной из геологических слоев разных оттенков.

– Да, да! – Лама надел роговые очки китайской работы. – Вот калитка, через которую мы носим дрова к зиме. И ты... и англичане знают об этом? Теперешний настоятель Ланг-Чо говорил мне это, но я не верил. А владыка – Всесовершенный – он тоже пользуется здесь почетом? И его жизнь известна?

– Вся она высечена на камнях. Пойдем, посмотрим, если ты отдохнул.

Лама, волоча ноги, побрел в главный зал и вместе с хранителем стал осматривать коллекции с благоговением верующего и чутьем художника.

Этап за этапом он перебрал прекрасную повесть, запечатленную на истертом камне, по временам сбиваемый с толку непривычными условностями греческого стиля, но как ребенок радуясь каждой новой находке. Там, где нарушалась последовательность событий, как, например, в Благовещении, хранитель восполнял ее устно и при помощи книг – французских и немецких – с фотографиями и репродукциями.

Тут был изображен благочестивый Асита, тождественный Симеону в христианском предании: он держал на коленях божественного младенца, к которому прислушивались отец и мать, а там – эпизоды легенды о двоюродном брате Девадатте. Тут стояла в смущении злая женщина, обвинившая Учителя в нарушении целомудрия; там изображались проповедь в Оленьем парке и чудо, ошелолившее огнепоклонников; здесь – Бодисатва в образе царя, чудесное рождение, смерть в Кусинагаре, где слабый ученик потерял сознание. Созерцание под деревом Бодхи повторялось без конца, и повсюду были изображения поклонения чаше для сбора милостыни. Спустя несколько минут хранитель понял, что гость его не простой перебирающий четки нищий, а настоящий ученый. И они опять пересмотрели все с начала до конца, причем лама то и дело брал понюшку табаку, протирал свои очки и с быстротой поезда говорил на удивительной смеси урду и тибетского. Он слышал о путешествиях китайских паломников Фа-Сяня и Хуань-Цана и хотел узнать, имеется ли перевод их сочинений. Он сдерживал дыхание, беспомощно перелистывая книги Била и Станислава Жюльена.

– Все это есть здесь. Сокрытое сокровище!

Потом он сосредоточился, чтобы в благоговении выслушать цитаты, наспех переведенные на урду. Впервые он слышал о трудах европейских ученых, которые с помощью этих и сотен других источников определили места священных событий буддизма. Потом ему была показана огромная карта с точками и черточками, нанесенными желтой краской. Коричневый

палец следовал за карандашом хранителя от пункта к пункту. Тут был Капилавасту, там – Срединное Царство, здесь – Махабоди, буддийская Мекка, а там – Кусингара, овеянное скорбью место, где скончался святитель. Старик в молчании склонил голову над листами, а хранитель закурил вторую трубку. Ким заснул. Когда он проснулся, беседа, которая все еще продолжалась, стала более доступной для его понимания.

– Вот так и случилось, о источник мудрости, что я решил пойти по святым местам, где ступала его нога: на место рождения, вплоть до Капилы, потом в Маха-Бодхи, которое теперь называется Будх-Гая, в Монастырь, в Олений парк, на место его смерти. – Лама понизил голос. – И я пришел сюда один. Пять, семь, восемнадцать, сорок лет я думал, что Древний Закон исполняется плохо, ибо, как тебе известно, к нему примешались дьявольщина, колдовство и идолопоклонство. В точности, как давеча сказал ребенок там, на улице. Да, именно *бут-парасты*, как выразился ребенок.

– Так бывает со всеми вероучениями.

– Ты думаешь? Я читал наши монастырские книги, но в них высохла сердцевина, и новый ритуал, которым мы, последователи преобразованного Закона, стеснили себя, также не имеет цены в этих старых глазах. Даже последователи Всесовершенного непрерывно борются друг с другом. Все это – иллюзия. Да, *майя*, иллюзия. Но я жажду иного, – морщинистое желтое лицо приблизилось к хранителю на расстояние трех дюймов, и длинный ноготь указательного пальца стукнул по столу. – Ваши ученые при помощи этих книг следовали по благословенным стопам во всех их странствиях, но есть вещи, которые они не смогли открыть. Я ничего не знаю, ничего я не знаю, но стремлюсь освободиться от Колеса Всего Сущего, ступив на широкий и открытый путь, – он улыбнулся с простодушнейшим торжеством. – Как паломник по святым местам я уже теперь приобретаю заслугу. Но дело в большем. Послушай истинный рассказ. Когда наш милостивый владыка, будучи еще юношей, стал искать себе супругу, люди во дворце отца его говорили, что он еще слишком юн для брака. Ты знаешь об этом?

Хранитель кивнул, спрашивая себя, что последует дальше.

– Тогда устроили тройное состязание в силе со всеми желающими. И при испытании луком наш владыка, переломив тот, который подали сначала, велел подать такой лук, на котором никто не мог натянуть тетиву. Ты знаешь об этом?

– Обо всем этом написано. Я читал.

– И, перелетев все прочие отметки, стрела унеслась далеко-далеко и скрылась из виду. В конце концов она упала, и там, где она коснулась земли, забил ключ, который потом превратился в реку, и, благодаря милосердию нашего владыки и заслугам, которые он приобрел до своего освобождения, свойство реки таково, что она смывает всякий налет и пятно греха с того, кто искупается в ней.

– Так написано, – печально промолвил хранитель.

Лама глубоко вздохнул.

– Где эта Река? Источник мудрости, где упала стрела?

– Увы, брат мой, не знаю, – ответил хранитель.

– Нет, быть может, ты позабыл? Это – единственное, о чем ты не сказал мне. Должен же ты знать. Слушай, я старый человек. Я прошу тебя, склонив голову к твоим ногам. О источник мудрости! Мы знаем, что он натянул тетиву! Мы знаем, что стрела упала! Мы знаем, что ключ забил из-под земли.

Так где же Река? Сон повелел мне найти ее. Поэтому я пришел. Я здесь. Но где же Река?

– Знай я, ты думаешь, я не стал бы громко кричать об этом?

– Через нее можно достигнуть освобождения от Колеса Всего Сущего, – продолжал лама, не слушая. – Река Стрелы! Подумай же! Какой-нибудь ручеек, быть может иссякший во время засухи?.. Но святой человек никогда не стал бы так обманывать старика.

– Не знаю, не знаю.

Лама опять придвинул свое испещренное тысячью морщин лицо на расстояние руки от лица англичанина.

– Я вижу, что ты не знаешь. Ты не следуешь Закону, и это скрыто от тебя...

– Да, скрыто... скрыто.

– Мы связаны – ты и я, брат мой. Но я, – он встал, и полы его мягкого, плотного халата разлетелись в стороны, – я хочу освободить себя. Пойдем вместе!

– Я связан, – промолвил хранитель. – Но куда идешь ты?

– Сначала в Каши (Бенарес). Куда же еще? Там я встречу с человеком чистой веры, обитающим в одном из джайнских храмов этого города. Он тоже тайный искатель, и, быть может, я узнаю от него что-нибудь. Быть может, он пойдет со мной в Будх-Гаю. Оттуда на северо-запад, в Капилавасту, и там я буду искать Реку. Нет, я буду искать всюду, куда бы ни шел, ибо место, где упала стрела, неведомо.

– А как ты пойдешь? *До Дели далеко*, до Бенареса еще дальше.

– По дорогам и на поездах. Спустившись с Гор, я от Пан-гханкота приехал сюда на поезде. Он идет быстро. Я сначала удивлялся, видя, как по бокам дороги высокие столбы тянут и тянут за собой нити, – он показал жестами, как наклоняются и кружатся телеграфные столбы, мелькающие мимо поезда, – но потом у меня затекли ноги и мне захотелось идти пешком, как я привык.

– А ты хорошо знаешь, куда идти? – спросил хранитель.

– О, что касается этого, только расспроси и заплати деньги, – и назначенные лица отправят тебя в назначенное место. Это я знал еще у себя в монастыре из верных источников, – гордо промолвил лама.

– А когда ты тронешься в путь? – Хранитель посмеивался над этим смешением древнего благочестия и современного прогресса, которые так свойственны Индии наших дней.

– Как можно скорее. Я пойду по местам, где протекала жизнь Владыки, пока не дойду до Реки Стрелы. К тому же имеется бумага, где написаны часы отхода поездов, идущих на юг.

– А как насчет пищи? – Ламы, как правило, носят при себе добрый запас денег, но хранитель хотел знать об этом точнее.

– Во время путешествия я беру с собой чашу учителя для сбора подаяния. Да, как ходил он, так пойду и я, отказавшись от сытой монастырской жизни. Когда я покидал Горы, со мной был *чела* (ученик), который просил милостыню за меня, как того требует устав, но мы задержались в Кулу, он заболел лихорадкой и умер. Теперь у меня нет челы и я сам возьму чашу для сбора подаяний и этим дам возможность милосердным людям приобрести заслугу, – он храбро кивнул головой. Монастырские ученые не просят милостыни, но лама был необыкновенно одушевлен своей идеей.

– Да будет так, – улыбнулся хранитель. А теперь позволь и мне приобрести заслугу. Мы оба мастера – и ты, и я. Вот новая записная книжка на белой английской бумаге, вот отточенные карандаши – два и три, толстые и тонкие, все они хороши для писца. Теперь одолжи мне твои очки.

Хранитель посмотрел через них. Они были сильно поцарапаны, но почти соответствовали его собственным очкам, которые он вложил ламе в руку со словами:

– Надень-ка эти.

– Перышко! Прямо перышко на лице! – Старик в восторге обернулся, морща нос. – Я почти их не чувствую. И как ясно вижу!

– Они из *билаура* – хрусталя, и их нельзя поцарапать. Да помогут они тебе найти твою Реку, ибо они – твои.

– Я возьму их; и карандаши, и белую записную книжку, – сказал лама, – в знак дружбы между жрецом и жрецом, а теперь, – он порылся у себя за кушаком, отстегнул ажурный желез-

ный пенал и положил его на стол хранителя, – вот тебе мой пенал на память обо мне. Он старый, такой же старый, как и я.

Это был пенал старинной китайской работы из железа, плавленного забытым в наши дни способом, и коллекционерское сердце хранителя дрогнуло. Никакие уговоры не могли заставить ламу взять подарок обратно.

– Когда я вернусь, отыскав Реку, я принесу тебе рисованное изображение Падмы Самтхоры, подобное тем, которые я рисовал на шелку в монастыре. Да, и еще изображение Колеса Жизни, – он тихо рассмеялся, – ибо оба мы мастера – и ты, и я.

Хранителю хотелось удержать его. Мало теперь осталось на свете людей, владеющих этой тайной, умеющих рисовать кисточкой для письма канонические буддийские картины, которые, если можно так выразиться, наполовину написаны, наполовину нарисованы. Но лама вышел большими шагами с высоко поднятой головой и, ненадолго остановившись перед большой статуей Бодисатвы, изображенного в момент созерцания, протиснулся между турникетами.

Ким как тень шел следом за ним. Подслушанный разговор чрезвычайно его заинтересовал. Этот человек был для него чем-то совершенно новым, и он намеревался продолжать исследование: именно так он стал бы рассматривать новое здание или какое-нибудь необычное празднество в городе Лахоре. Лама был его находкой, и он собирался овладеть ею. Недаром мать Кима была ирландка!

Старик, остановившись у Зам-Замы, оглядывался кругом, пока глаза его не остановились на Киме. Паломническое вдохновение остыло в нем на некоторое время, и он чувствовал себя старым, одиноким и очень голодным.

– Не сиди под этой пушкой, – высокомерно произнес полицейский.

– Ху! Сова, – отпарировал Ким за ламу. – Сиди сам под пушкой, если тебе нравится. А ну-ка, скажи: когда ты украл туфли у молочницы, Данну?

Это было совершенно необоснованное, внезапно возникшее обвинение, но оно заставило умолкнуть Данну, знавшего, что пронзительный вопль Кима способен, если нужно, привлечь полчища скверных базарных мальчишек.

– Кому же ты поклонялся там, внутри? – ласково спросил Ким, садясь на корточки в тени подле лампы.

– Я никому не поклонялся, дитя. Я склонился перед Всесовершенным Законом.

Ким принял без смущения этого нового бога. Он уже знал целые десятки богов.

– А что ты собираешься делать?

– Просить милостыню. Я вспомнил сейчас, что давно уже ничего не ел и не пил. Как принято просить милостыню в этом городе? Молча, как у нас в Тибете, или вслух?

– Кто просит молча, подышает молча, – процитировал Ким местную поговорку. Лама встал было, но опять опустился, вздыхая по своему ученике, умершем в далеком Кулу. Ким наблюдал за ним, склонив голову набок, внимательный и заинтересованный.

– Дай мне чашку. Я знаю жителей этого города – всех, подающих милостыню. Давай чашку, и я принесу ее полной. – Детски простодушно лама протянул ему чашку. – Отдыхай! Я людей знаю.

Он побежал к открытой лавке *кунджри* – женщины низкой касты, торгующей овощами. Лавка была поблизости от трамвайного круга на Моти-Базаре. Торговка издавна знала Кима.

– Ого, или ты стал йоги, что ходишь с чашкой для сбора подаяний? – воскликнула она.

– Нет, – гордо ответил Ким. – В городе появился новый жрец. Такого человека я еще не видывал.

– Старый жрец, что юный тигр, – сердито произнесла женщина. – Надоели мне новые жрецы! Они, как мухи, садятся на наши товары. Разве отец моего сына – источник милостыни, чтобы подавать всякому, кто попросит?

– Нет, – сказал Ким, – твой муж скорей *яги* (злонравный), чем *йоги* (святой), но это – новый жрец. Сахиб в Доме Чудес говорил с ним, как с братом. О мать моя, наполни мне эту чашку! Он ждет.

– Хороша чашка! Целая корзина величиной с коровье брюхо! Ты вежлив, как священный бык Шивы. Нынче утром он уже успел стащить большую часть лука из корзинки. А тебе я должна наполнить твою чашку. Вот он опять идет сюда.

Огромный мышинной масти *брахманский бык* этого квартала пробирался через многоцветную толпу с украденным *пизангом*, свисающим у него изо рта. Прекрасно осведомленный о своих привилегиях священного животного, он направился прямо к лавке, наклонил голову и, громко пыхтя, стал осматривать ряды корзин, выбирая пищу. Маленькая твердая пятка Кима взлетела вверх и ударила его по влажному сизому носу. Бык негодуя фыркнул и удалился по трамвайному пути; горб его дрожал от ярости.

– Вот видишь! Я сберег твоего товара на сумму втрое большую, чем будет стоить содержимое чашки. Ну, мать, немножко риса и поверх его сушеной рыбы, а также немножко овощной *кари*.

Из глубины лавки, где лежал мужчина, послышалось ворчание.

– Он прогнал быка, – вполголоса промолвила женщина. – Подавать бедным хорошо, – она взяла чашку и вернула ее наполненной горячим рисом.

– Мой *йоги* не корова, – важно сказал Ким, пальцами выкапывая ямку на вершине горки. – Я думаю, что немножко *кари*, жареная лепешка и кусок сухого варенья доставят ему удовольствие.

– Эта ямка величиной с твою голову, – с раздражением сказала женщина. Тем не менее она положила в нее хорошей, дымящейся овощной *кари*, прилепнула ее сухой лепешкой, на лепешку положила кусок очищенного масла, а сбоку – кислого тамариндового варенья. Ким любовно глядел на свою ношу.

– Вот и ладно. Когда я буду на базаре, бык не посмеет подходить к этому дому. Он – дерзкий нищий.

– А ты? – рассмеялась женщина. – Но ты не должен дурно говорить о быках. Не ты ли сказал мне, что наступит день, когда Красный Бык придет с поля, чтобы помочь тебе? Теперь держи чашку прямо и попроси святого человека благословить меня. И еще: не знает ли он какого-нибудь лекарства от болезни глаз для моей дочери? Попроси его об этом, о Дружок Всего Мира.

Но Ким ускакал раньше, чем она успела окончить фразу. Он неся, увертываясь от бродячих собак и голодных приятелей.

– Вот как просим милостыню мы, знающие, как надо это делать, – гордо заявил он ламе, в удивлении глянувшему на содержимое чашки. – Теперь ешь, и я поем вместе с тобой. Эй, *бхишти*! – он окликнул водоноса, поливавшего кроты у Музея. – Дай сюда воды. Нам, мужчинам, хочется пить.

– Нам, мужчинам! – рассмеялся *бхишти* – Хватит ли на такую парочку одного кожаного мешка? Ну, пейте во имя Милосердного.

Он пустил тонкую струю на руки Кима, который пил, как туземцы, но лама счел нужным вытащить чашку из своих неисчислимых сборок и пить по уставу.

– *Парадези* (чужеземец), – объяснил Ким, после того как старик произнес что-то на незнакомом языке – очевидно, благословение.

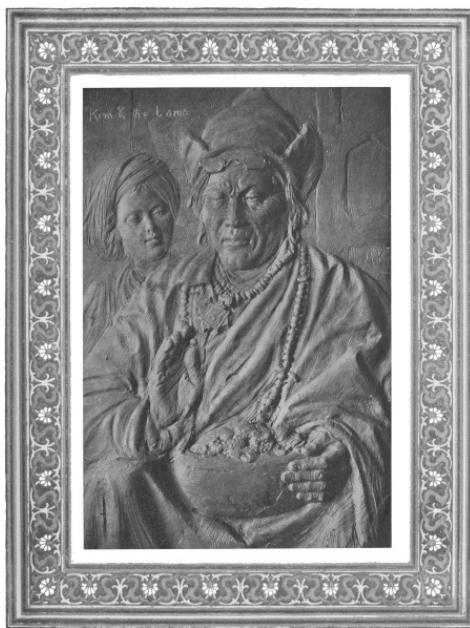
Очень довольные, они вместе принялись за еду и очистили всю чашку для сбора подаяний. Потом лама, понюхав табак из внушительной деревянной табакерки, начал перебирать четки и, в то время как тень от Зам-Замы все удлинялась, заснул легким старческим сном.

Ким побрел к ближайшей торговке табаком, бойкой молодой мусульманке, и выпросил у нее скверную сигару, какие сбывают студентам пенджабского университета, подражаю-

щим английским обычаям. Он закурил, уселся под дулом пушки и, опустив подбородок на колени, стал размышлять. Размышления его кончились тем, что он сорвался с места и бесшумно помчался к дровяному складу Нила-Рома.

Лама проснулся в тот час, когда в городе уже началась вечерняя жизнь, зажглись фонари и одетые в белое клерки и низшие служащие стали выходить из государственных учреждений. Ошеломленный, он огляделся кругом, но поблизости не было никого, кроме мальчика-индуса в грязной чалме и платье бланжевого цвета. Лама внезапно опустил голову на колени и застонал.

– Что это ты? – произнес мальчик, становясь перед ним. – Тебя ограбили?



Лама

– Мой новый *чела* (ученик) сбежал от меня, и я не знаю, где он.

– А кто он такой был, твой ученик?

– Это был мальчик, явившийся ко мне на место умершего в награду за ту заслугу, которую я приобрел, когда вон там поклонился Закону, – он указал на Музей. – Он пришел ко мне вывести меня на дорогу, которую я потерял. Он повел меня в Дом Чудес и словами своими побудил меня осмелиться и заговорить с Хранителем священных изображений, так что я получил утешение и ободрение. А когда я ослабел от голода, он просил милостыню за меня, как это делает чела для своего учителя. Неожиданно он был мне послан, и также неожиданно ушел. Я хотел учить его Закону по дороге в Бенарес.

Кима удивила эта речь, ибо он подслушал беседу в Музее и знал, что старик говорит правду, а туземцы редко позволяют себе это по отношению к незнакомцам.

– Но я вижу теперь, что он был послан даром. Поэтому знаю, что найду Реку, которую ищу.

– Реку Стрелы? – спросил Ким с улыбкой превосходства.

– Неужто это новый посланец? – воскликнул лама. – Я никому не говорил о своих исканиях, кроме жреца священных изображений. Кто ты такой?

– Твой чела, – просто ответил Ким, сидя на корточках. – В жизни не видел я никого, похожего на тебя. Я пойду с тобой в Бенарес. И еще я думаю, что если такой старый человек, как ты, говорит правду первому встречному, значит, он сильно нуждается в ученике.

– Но Река, Река Стрелы?

– О, о ней я услышал, когда ты разговаривал с англичанином. Я лежал у двери.

Лама вздохнул.

– Я думал, что ты – дарованный мне проводник. Такие вещи случаются иногда, но я недостойн их. Так, значит, ты не знаешь, где Река?

– Ну, нет, – Ким в смущении рассмеялся. – Я иду искать Быка, Красного Быка на зеленом поле, который поможет мне.

Если у кого-нибудь из его приятелей был план, Ким, по-мальчишески, сейчас же выдумывал свой собственный и, тоже по-мальчишески, действительно думал иногда минут по двадцать об отцовских пророчествах.

– В чем поможет, дитя? – спросил лама.

– Бог знает, но так говорил мне отец. Я слышал, как ты рассказывал в Доме Чудес обо всех этих незнакомых и странных местах в Горах, а уж если такой старый человек, столь привыкший говорить правду, хочет искать какую-то реку, я подумал, что и мне нужно отправиться в путь. Если нам суждено найти их, мы их найдем, ты – свою реку, а я – моего Быка и мощные столпы и еще что-то, о чем я позабыл.

– Не столпы, а Колесо, от которого я освобожусь, – сказал лама.

– Это одно и то же. Может, они сделают меня царем, – промолвил Ким, безмятежно готовый принять все на свете.

– По дороге я научу тебя другим, лучшим желаниям, – наставительно сказал лама. – Идем в Бенарес.

– Только не ночью. Теперь вору разгуливают. Подожди до утра.

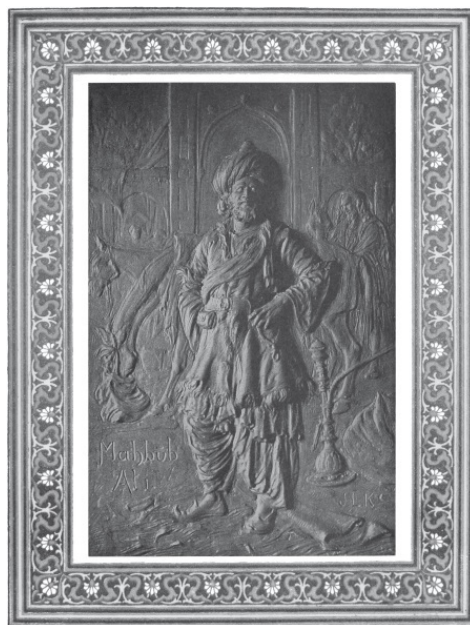
– Но тут негде спать. – Старик привык к порядку в своем монастыре и, хотя по уставу всегда спал на земле, все же предпочитал соблюдать приличия.

– Мы найдем хорошее помещение в Кашмирском караван-сараях, – сказал Ким, смеясь над его замешательством. – У меня есть там приятель. Пойдем!

Душные, людные базары сверкали огнями, когда путники пробирались через толпу, в которой смешались все племена Северной Индии, и лама двигался, словно во сне. Он впервые попал в большой промышленный город, и набитый людьми трамвай с непрестанно лязгающими буферами испугал его.

То подталкиваемый, то влекомый вперед, он подошел к высоким воротам Кашмирского караван-сарая, обширного квадратного двора, расположенного против вокзала и окруженного сводчатыми аркадами, где приставали верблюды и конские караваны на обратном пути из Центральной Азии. Тут встречались северяне всех племен. Они ухаживали за привязанными лошадьми и заставляли верблюдов опускаться на колени, грузили и разгружали тюки и узлы, при помощи скрипучих лебедок черпали из колодца воду для ужина, бросали охапки травы ржущим дикоглазым жеребцам, пинали ногой угрюмых караванных собак, расплачивались с погонщиками верблюдов, нанимали новых конюхов, ругались, кричали, спорили и торговались на битком набитом дворе. Аркады, на которые вели три-четыре каменных ступеньки, казались тихой пристанью вокруг этого бушующего моря. Большая часть их была сдана внаем купцам, подобно тому как мы сдаем арки виадуков. Промежутки между столбами были забраны кирпичом или досками, образуя комнаты, доступ в которые преграждался тяжелыми деревянными дверьми со сложными висячими замками туземного образца. Запертые двери указывали на то, что владелец комнаты в отсутствии, и дерзкие, иногда очень дерзкие надписи мелом или краской сообщали, куда он уехал. Например: «Лутфулла уехал в Курдистан». А внизу неуклюжие стихи: «О Аллах, позволивший вшам поселиться в халате кабульца, зачем позволил ты вше – Лутфулле жить так долго?»

Ким, охраняя ламу от возбужденных людей и возбужденных животных, прокрался вдоль аркад на дальний, ближайший к вокзалу, конец двора, где останавливался торговец лошадьми Махбуб Али, когда он приезжал из той таинственной страны, что лежит за Северными Перевалами.



Махбуб Али

Ким за свою короткую жизнь, особенно в период между десятым и тринадцатым годом, имел много дел с Махбубом, и рослый дородный афганец с крашеной в красную краску бородой (он был немолод и не хотел, чтобы видели его седину) знал цену мальчику, как источнику всяких сведений. Случалось, он поручал Киму следить за каким-нибудь человеком, не имевшим никакого отношения к лошадям: ходить за ним следом весь день и докладывать о всех лицах, с которыми он разговаривал. Вечером Ким давал отчет, а Махбуб слушал, не отвечая ни словом, ни движением. Ким знал, что тут замешаны какие-то интриги, но самое главное в них заключалось в том, чтобы ни слова не говорить об этом никому, кроме Махбуба, который угощал его роскошными обедами, прямо с жару принесенными из съестной лавочки, расположенной у входа в караван-сарай, а один раз даже выдал ему восемь *ан* деньгами.

– Он здесь, – произнес Ким, шлепая по носу норовистого верблюда. – Эй, Махбуб Али! – Он остановился у темной арки и скользнул за спину ошеломленного ламы.

Барышник лежал на паре шелковых ковровых седельных сумок, распустив широкий вышитый бухарский кушак, и лениво покуривал огромную серебряную *хукку*. Он чуть-чуть обернулся на окрик, но, увидев высокую безмолвную фигуру, рассмеялся.

– Аллах! Это лама! *Красный лама!* От Лахора до Перевалов далеко. Что ты здесь делаешь?

Лама машинально протянул чашку для сбора подаяний.

– Господне проклятие на всех неверных! – произнес Махбуб. – Я не подаю вшивому тибетцу; ступай и проси у моих *балти*, которые остались там, при верблюдах. Может, они и оценят твои благословения. Эй, конюхи, тут ваш земляк пришел. Узнайте, не голоден ли он.

Бритый, согбенный балти, состоявший при лошадях и считавшийся чем-то вроде буддиста низшего разряда, склонился перед духовным лицом и низким гортанным голосом пригласил святого человека присесть у костра, разведенного конюхами.

– Ступай! – сказал Ким, слегка подтолкнув ламу, и тот зашагал прочь, оставив Кима у входа на аркаду.

– Ступай! – произнес Махбуб Али, снова принимаясь за свою *хукку*. – Беги прочь, маленький индус. Господне проклятие на всех неверных! Проси у тех моих слуг, которые одной с тобой веры.

– *Махараджа*, – провизжал Ким индуистское обращение, от души забавляясь создавшимся положением. – Отец мой умер... мать моя умерла... желудок мой пуст.

– Попроси у моих слуг, которые при лошадях, говорю тебе. Среди моей челяди, наверное, найдутся индусы.

– О Махбуб Али, разве я индус? – воскликнул Ким по-английски. Купец не выразил удивления, но взглянул на мальчика из-под косматых бровей.

– Дружок Всего Мира, – произнес он, – что это значит?

– Ничего. Я теперь ученик этого святого, и мы вместе будем совершать паломничество... В Бенарес, как говорит он. Он совсем сумасшедший, а мне надоел Лахор. Мне хочется новой воды и нового воздуха.

– Но на кого ты работаешь? Зачем пришел ко мне? – в жестком голосе звучала подозрительность.

– К кому же мне еще идти? Денег у меня нет. Нехорошо быть без денег. Ты продашь офицерам много лошадей. Эти твои новые лошади очень хороши: я их видел. Дай мне рупию, Махбуб Али, а когда я разбогатею, я дам тебе вексель и заплачу.

– Хм, – произнес Махбуб Али, быстро соображая. – Ты до сих пор ни разу не солгал мне. Позови этого ламу, а сам отойди в сторону, в тень.

– О, показания наши совпадут, – смеясь промолвил Ким.

– Мы идем в Бенарес, – ответил лама, разобравшись, наконец, в потоке вопросов, заданных ему Махбубом Али. – Мальчик и я. Я иду искать некую Реку.

– Может, и так, а мальчик?

– Он мой ученик. Я думаю, он был послан, чтобы указать мне путь к этой Реке. Я сидел под пушкой, когда он внезапно появился. Такое случилось со счастливыми, которым было даровано руководство. Но я припоминаю теперь: он сказал, что принадлежит к этому миру, – он индус.

– А как его имя?

– Я об этом не спрашивал. Разве он не ученик мой?

– Его родина... племя... деревня? Кто он: мусульманин, сикх, индус, джайн? Низкой касты или высокой?

– К чему мне спрашивать? На Срединном Пути нет ни высоких, ни низких. Если он мой чела, возьмет ли кто-нибудь его от меня? Сможет ли взять? Ибо, знаешь ли, без него я не найду моей Реки, – он торжественно покачал головой.

– Никто его у тебя не возьмет. Ступай, посиди с моими *балти*, – сказал Махбуб Али, и лама удалился, успокоенный обещаниями.

– Ну, разве он не сумасшедший? – промолвил Ким, снова выступая вперед, в полосу света. – Зачем мне лгать тебе, *хаджи*?

Махбуб в молчании курил хукку. Затем он начал почти шепотом:

– Амбала находится на пути к Бенаресу, и если вы оба действительно направляетесь туда...

– Ну! Ну! Говорю тебе, он не умеет лгать, как умеем мы с тобой.

– И если ты в Амбале передашь от меня одно сообщение, я дам тебе денег. Оно касается лошади – белого жеребца, которого я продал одному офицеру, когда в прошлый раз возвращался с Перевалов. Но тогда – стань поближе и протяни руки, как будто просишь милостыню! – родословная белого жеребца была не вполне установлена, и этот офицер, он теперь в Амбале, велел мне выяснить ее. (Тут Махбуб описал экстерьер лошади и наружность офицера.) Вот что нужно передать этому офицеру: «Родословная белого жеребца вполне установлена». Так он узнает, что ты пришел от меня. Тогда он скажет: «Какие у тебя доказательства?» А ты ответишь: «Махбуб Али дал мне доказательства».

– И все это ради белого жеребца? – хихикнув, промолвил Ким, и глаза его загорелись.

– Эту родословную я тебе сейчас передам... на свой лад, и вдобавок выберу тебя хорошенько, – Позади Кима промелькнула чья-то тень; прошел жующий верблюд. Махбуб Али высил голос. – Аллах! Или ты единственный нищий в городе? Твоя мать умерла. Твой отец умер. У всех вас одно и то же. Ну, ладно, – он повернулся как бы затем, чтобы пошарить по полу позади себя, и швырнул мальчику кусок мягкой, жирной мусульманской лепешки. – Ступай, переночуй с моими конюхами – и ты, и твой лама. Завтра я, может быть, найду для тебя работу.

Ким ускользнул и, вонзив в лепешку зубы, нашел в ней, как он и ожидал, комочек папиросной бумаги, завернутый в клеенку, и три рупии серебром – необычайная щедрость. Он улыбнулся и сунул в свой кожаный гайтан деньги и бумажку. Лама, отменно накормленный махбубовыми балти, уже спал в углу одной из конюшен. Ким, смеясь, улегся с ним рядом. Он знал, что оказал услугу Махбубу Али, и ни на минуту не поверил басням о родословной жеребца.

Но Ким не подозревал, что Махбуб Али, известный как один из крупнейших пенджабских торговцев лошадьми, богатый и предприимчивый купец, чьи караваны проникали в самые глухие углы далеких стран, был записан в одной из секретных книг Индийского Разведывательного Управления под шифром С.25.1.Б. Два-три раза в год С.25-й посылал в Управление небольшой доклад, довольно дерзко написанный, но чрезвычайно интересный и обычно (содержание его подтверждалось донесениями Р. 17-го и М.4-го) вполне достоверный. Это были сведения о всяких захолустных горных княжествах, путешественниках неанглийской национальности, а также о торговле оружием – одним словом, они являлись небольшой частью огромной массы «полученной информации», на основе которой действует индийское правительство. Однако недавно пятеро владетельных князей-союзников, которым вовсе не следовало вступать между собой в союз, были оповещены одной доброжелательной Северной Державой о том, что различные новости просачиваются из их областей в Британскую Индию. Тогда премьер-министры этих князей сильно встревожились и повели себя согласно своему восточному обычаю. В числе прочих они заподозрили дерзкого краснобородого барышника, чьи караваны по брюхо в снегу пробирались по их землям. Наконец, караван Махбуба выследили и во время спуска с гор дважды обстреляли; причем люди Махбуба приписали нападение трем неизвестным негодяям, которые, возможно, были наняты для этой цели. Поэтому Махбуб воздержался от пребывания в Пешаваре, вредном для здоровья, и, не останавливаясь, прошел до Лахора, где, зная своих соплеменников, ожидал развития любопытных событий.

При Махбубе Али было нечто такое, что ему не хотелось носить на себе хотя бы на час дольше, чем это было необходимо, а именно комочек тщательно и многократно сложенной бумаги, обернутой в клеенку, – неподписанное, лишенное адреса сообщение с пятью микроскопическими дырочками, проколотыми булавкой на одном из углов, – сообщение, самым скандальным образом выдававшее с головой пятерых князей-союзников, дружественную Северную Державу, одного пешаварского банкира-индуса, бельгийскую фирму, производящую оружие, и крупного полунезависимого мусульманского правителя одного южного княжества. Это сообщение было доставлено Р.17-М, и Махбуб, получив его за Дорским Перевалом, вез бумажку дальше вместо Р. 17-го, который по независящим от него причинам не мог покинуть своего наблюдательного поста. Динамит казался чем-то невинным и безвредным в сравнении с этим донесением С.25-го, и даже уроженец Востока с восточным представлением о ценности времени понимал: чем скорей оно попадет в надлежащие руки, тем лучше. У Махбуба не было особенного желания умереть насильственной смертью, ибо там, за Границей, у него висели на руках две-три незавершенные родовые распри, а по их окончании он намеревался начать мирную жизнь более или менее добродетельного гражданина. Со времени своего приезда два дня назад он не выходил за ворота караван-сарая, но совершенно открыто рассылал телеграммы: в Бомбей, где у него лежали деньги в банке, в Дели, где его младший компаньон и сородич продавал лошадей агенту одного раджпутанского княжества,

и в Амбалу, откуда некий англичанин настойчиво требовал родословную какого-то белого жеребца... Базарный писец, знавший английский язык, составлял отличные телеграммы, вроде следующей: «Крейтону. Банк Лоурела. Амбала. Конь арабской породы, как уже сообщалось. Сожалею задержке родословной, которую высылаю». И позже по тому же адресу: «Весьма прискорбная задержка. Родословную перешлю». Своему младшему компаньону в Дели он телеграфировал: «Лутфулле. Перевел телеграфом две тысячи рупий ваш счет банк Лачман-Нарайна». Все это были обычные при ведении торговых дел телеграммы, но каждая из них вновь и вновь обсуждалась заинтересованными сторонами прежде чем попадала на вокзал, куда их носил глуповатый балти, позволявший всем желающим прочитывать их по дороге.

Когда, по образному выражению Махбуба, он замутил воды слезки палкой предосторожности, Ким внезапно предстал перед ним, словно небесный посланец, и, будучи столь же решительным, сколь неразборчивым в средствах, Махбуб Али, привыкший пользоваться всякой случайностью, тотчас же привлек его к делу.

Бродячий лама и мальчик-слуга низкой касты, правда, могли привлечь к себе внимание, но в Индии, стране паломников, никто их ни в чем бы не заподозрил и, главное, не пожелал бы ограбить.

Он снова велел подать горячий уголек для хукки и принялся обдумывать создавшееся положение. Если случится самое худшее и мальчик попадет в беду, бумага все равно никого не выдаст. А сам он на досуге поедет в Амбалу и, немного рискуя возбудить новое подозрение, устно передаст свое донесение кому следует.

Донесение Р. 17-го было главным во всем деле; пропади оно, вышла бы большая неприятность. Но бог велик, и Махбуб Али чувствовал, что в настоящий момент сделал все, что мог. Ким был единственным в мире существом, никогда ему не солгавшим. Это следовало бы расценивать как роковой недостаток Кима, не зная Махбуб, что другим людям Ким, в своих интересах или ради махбубовых выгод, был способен лгать, как истый уроженец Востока.

Тогда Махбуб направился через весь караван-сарай к Вратам *Гарний*, женщин, подводящих себе глаза и ловящих чужестранцев, и не без труда вызвал ту самую девушку, которая, как он имел основание думать, была близкой приятельницей безбородого кашмирского *пандита*, подстерегавшего простодушного балти с телеграммами. Это был чрезвычайно неразумный поступок, ибо он и она, вопреки закону пророка, стали пить душистую настойку; Махбуб вдребезги напился, врата его уст открылись, и он в опьянении стал преследовать Цветок Услады, пока не свалился, как сноп, посреди подушек; и тут Цветок Услады вместе с безбородым кашмирским пандитом самым тщательным образом обыскали его с головы до ног.

Около этого времени Ким услышал тихое шарканье шагов в опустевшей комнате Махбуба. Барышник странным образом оставил дверь незапертой, а люди его праздновали возвращение в Индию, угощаясь целой бараньей тушей от махбубовых щедрот. Лощеный молодой джентльмен, уроженец Дели, со связкой ключей, которую Цветок сняла с пояса бесчувственного торговца, обыскал каждый отдельный ящик, тюк, циновку и седельную сумку из имущества Махбуба еще тщательнее, чем Цветок и пандит обыскали их владельца.

— Я думаю, — с досадой говорила Цветок часом позже, опираясь округлым локтем на храпевшую тушу Махбуба, — что он просто-напросто афганский барышник, свинья, у которого на уме только кони да женщины. Возможно, конечно, что он и отослал это, если было что отсылать.

— Нет, вещь, относящаяся к Пяти князьям, должна была бы лежать у самого его черного сердца, — сказал пандит. — А там ничего не было?

Делиец, войдя, засмеялся и оправил свою чалму.

— Я обыскивал подошвы его туфель, пока Цветок обыскивала его одежду. Это не тот человек, это другой. Я не многое пропускаю при осмотре.

– Они не говорили, что это непременно тот самый человек, – озабоченно промолвил пандит. – Они говорили: узнайте, не тот ли это человек, ибо наши Советы встревожены.

– Северные области кишат барышниками, как старый халат вшами. Там торгуют и Сикандар-Хан, и Нур-Али-Бег, и Фарух-Шах, – все вожди кафилов, – сказала Цветок.

– Они пока не приехали, – молвил пандит. – Тебе еще придется их завлечь.

– Тьфу! – с глубоким отвращением произнесла Цветок, снимая голову Махбуба со своих колен, – Не даром достаются мне деньги! Фарух-Шах – настоящий медведь. Али-Бег – наемный убийца, а старик Сикандар-Хан... ох! Ну, ступайте! Я теперь спать буду. Эта свинья не шевельнется до самой зари.

Когда Махбуб проснулся, Цветок стала строго внушать ему, как грешно напиваться. Азиат, перехитрив врага, и глазом не моргнет, но Махбуб Али едва удержался от этого, когда, откашлявшись, затянул на себе кушак и, пошатываясь, вышел наружу под предрассветные звезды.

– Что за ребячья проделка, – сказал он себе. – Как будто каждая пешаварская девчонка уже на это не шла! Но сделано это было неплохо. Господь знает, сколько еще встретится на пути людей, получивших приказ пощупать меня... пожалуй, даже при помощи ножа. Выходит, что мальчишке нужно отправляться в Амбалу... и – по железной дороге, ведь письмо срочное. А я останусь здесь, буду ухаживать за Цветком и пьянствовать, как полицейский-афганец.

Он остановился у каморки, которая была рядом с его собственной. Люди его спали мертвым сном. Среди них не оказалось ни Кима, ни ламы.

– Вставай! – он дернул одного из спящих. – Куда ушли те, что лежали здесь вчера вечером, – лама и мальчик? Не пропало ли что-нибудь?

– Нет, – буркнул человек, – полоумный старик встал после вторых петухов, говоря, что пойдет в Бенарес, и мальчик увел его.

– Проклятье Аллаха на всех неверных, – в сердцах произнес Махбуб и, ворча себе в бороду, полез в свою каморку.

Но ламу разбудил Ким – Ким, который, приложив глаз к дырке от выпавшего сучка, образовавшейся в деревянной перегородке, видел, как делиец обыскивал ящики. Это был не простой вор, раз он перебирал письма, счета и седла, не грабитель, если просовывал нож под подошвы Махбубовых туфель и так тщательно ощупывал швы седельных сумок. Ким хотел было поднять тревогу, испустив протяжный крик *чо-ор! чо-ор!* (вор! вор!), который по ночам поднимает на ноги весь караван-сарай, но, присмотревшись внимательней, прикрыл рукой гайтан и сделал соответствующие выводы.

– Должно быть, дело идет о родословной этой вымышленной лошади, – сказал он себе, – о той штуке, что я везу в Амбалу. Лучше нам теперь же убираться отсюда. Те, что щупают сумки ножами, могут и животы ножами пощупать. Наверное, за этим скрывается женщина. Эй! Эй! – шепнул он спавшему некрепким сном ламе. – Пойдем. Пора... пора ехать в Бенарес.

Лама послушно встал, и они, как тени, выскользнули из караван-сарая.

Глава II

*Кто цепи гордости порвет,
Кто зверя и людей поймет,
Души всего Востока тот
Коснется здесь, в Камакуре.*

«Будда в Камакуре»

Они вошли в похожий на крепость вокзал, темный на исходе ночи; электрические фонари горели только на товарном дворе, где производятся работы по крупным хлебным перевозкам Северной Индии.

– Это работа дьяволов! – произнес лама и отпрянул назад, ошеломленный глубоким гулким мраком, мерцанием рельсов между бетонными платформами и переплетом ферм над головой. Он стоял в гигантском каменном зале, пол которого, казалось, был вымощен трупами, закутанными в саваны; это были пассажиры третьего класса, взявшие билеты вечером и теперь спавшие в залах ожидания. Уроженцам Востока все часы в сутках кажутся одинаковыми, и пассажирское движение регулируется в соответствии с этим.

– Сюда-то и приходят огненные повозки. За этой дыркой, – Ким показал на билетную кассу, – стоит человек, который даст тебе бумажку, чтобы доехать до Амбалы.

– Но мы едем в Бенарес, – нетерпеливо возразил лама.

– Все равно. Пускай хоть в Бенарес. Скорей – она подходит!

– Возьми этот кошелек.

Лама, менее привыкший к поездкам, чем он утверждал, вздрогнул, когда поезд, отходивший в 3:25 утра на юг, с грохотом подошел к вокзалу. Спящие проснулись, и вокзал огласился шумом и криками, возгласами продавцов воды и сластей, окриками туземных полицейских и пронзительным визгом женщин, собиравших свои корзинки, семьи и мужей.

– Это – поезд, только поезд. Сюда он не дойдет. Подожди.

Измученный необычайным простодушием ламы (который отдал ему кошелек, полный рупий), Ким попросил билет до Амбалы и уплатил за него. Заспанный кассир, ворча, выкинул билет до ближайшей станции, расположенной на расстоянии шести миль от Лахора.

– Нет, – возразил с усмешкой Ким, рассмотрев билет, – с деревенскими эта штука, пожалуй, пройдет, но я живу в Лахоре. Ловко придумал, *бабу*. Теперь давай билет до Амбалы.

Бабу, нахмурившись, выдал нужный билет.

– Теперь другой, до Амритсара, – сказал Ким, не собиравшийся мотать деньги Махбуба Али на такое безрассудство, как плата за проезд до Амбалы. – Стоит столько-то. Сдачи столько-то. Я знаю все, что касается поездов... Ни один йоги так не нуждался в челе, как ты, – весело заявил он сбитуому с толку ламе. – Не будь меня, они вышвырнули бы тебя в Миян-Мире. Проходи сюда! Пойдем! – он вернул деньги, оставив себе в качестве комиссионных – неизменных азиатских комиссионных – только по одной ане с каждой рупии, заплаченной за билет в Амбалу.

Лама топтался у открытой двери переполненного вагона третьего класса.

– Не лучше ли пойти пешком? – нерешительно промолвил он.

Дородный ремесленник-сикх высунул наружу бородатое лицо.

– Боится он, что ли? Не бойся! Помню, я сам раньше боялся поезда. Входи! Эту штуку устроило правительство.

– Я не боюсь, – сказал лама. – А у вас найдется место для двоих?

– Тут и для мыши места не хватит, – взвизгнула жена зажиточного земледельца – джата индуистского вероисповедания из богатого Джаландхарского округа.

В наших ночных поездах меньше порядка, чем в дневных, где очень строго соблюдаются правила, требующие, чтобы мужчины и женщины сидели в разных вагонах.

– О мать моего сына, мы можем потесниться, – промолвил ее муж, человек в синей чалме. – Возьми ребенка. Это, видишь ли, святой человек.

– Я уж и так семью-семьдесят свертков на руках держу! Может, пригласишь его сесть ко мне на колени, бесстыдник?

От мужчин только этого и дожدهшься! – она огляделась кругом, ожидая сочувствия. Проститутка из Амритсара, сидевшая у окна, фыркнула из-под головного покрывала.

– Входи! Входи! – крикнул жирный ростовщик-индус с обернутой в ткань счетной книгой под мышкой и добавил с елеинной улыбкой: – Надо быть добрым к беднякам.

– Ну да, за семь процентов в месяц под залог нерожденного теленка, – промолвил молодой солдат-*догра*, ехавший на юг, в отпуск.

Все рассмеялись.

– Он пойдет до Бенареса? – спросил лама.

– Конечно. Иначе к чему нам ехать в нем? Входи, а то останемся, – кричал Ким.

– Глядите! – взвизгнула амритсарская девица. – Он никогда не ездил в поезде. О, глядите!

– Ну, лезь, – промолвил земледелец, протягивая большую смуглую руку и втаскивая ламу. – Вот и ладно, отец.

– Но... но... я сяду на полу. Сидеть на лавке противно уставу, – говорил лама. – К тому же у меня от этого затекают ноги.

– Я говорю, – начал ростовщик, поджимая губы, – что нет ни одного праведного закона, которого мы не нарушили бы из-за этих поездов. К примеру, вот мы сидим здесь с людьми всех каст и племен.

– Да, и с самыми непристойными бесстыдницами, – промолвила его жена, хмурясь на амритсарскую девицу, строившую глазки молодому сипаю.

– Я говорил, лучше бы нам ехать по тракту, в повозке, – сказал муж, – тогда бы мы и денег немного сберегли.

– Ну да, чтобы за дорогу истратить на пищу вдвое больше того, что удалось бы сберечь. Об этом говорено и переговорено десять тысяч раз.

– Еще бы, десятью тысячами языков, – проворчал он.

– Уж если нам, бедным женщинам, и поговорить нельзя, так пусть нам помогут боги! Ох! Он, кажется, из тех, что не должны смотреть на женщину и отвечать ей. – Лама, связанный своим уставом, не обращал на нее ни малейшего внимания. – А ученик тоже из таких?

– Нет, мать, – выпалил Ким, – если женщина красива, а главное – милосердна к голодному.

– Ответ нищего, – со смехом сказал сикх. – Сама виновата, сестра!

Ким умоляюще сложил руки.

– Куда ты едешь? – спросила женщина, протягивая ему половину лепешки, вынутой из засаленного свертка.

– До самого Бенареса.

– Вы, должно быть, скоморохи? – предположил молодой солдат. – Не покажете ли нам какие-нибудь фокусы, чтобы скоротать время? Почему этот желтый человек не отвечает?

– Потому, что он святой, – свысока произнес Ким, – и думает о вещах, которые для тебя сокрыты.

– Это возможно. Мы, лудхиянские сикхи, – он раскатисто проговорил эти слова, – не забиваем себе головы богословием. Мы сражаемся.

– Сын брата моей сестры служит *наиком* (капралом) в этом полку, – спокойно промолвил ремесленник-сикх. – В этом полку есть роты из *догр*. – Солдат воззрился на него, ибо догры другой касты, чем сикхи, а ростовщик захихикал.

– Для меня все одинаковы, – сказала девица из Амритсара.

– Этому можно поверить, – язвительно фыркнула жена земледельца.

– Да нет же, но все, что служат *сиркару* с оружием в руках, составляют братство, если можно так выразиться. Братство касты – это одно, но кроме этого, – она робко огляделась кругом, – есть узы *палтана* – полка, не правда ли?

– У меня брат в джатском полку, – сказал земледелец. – Догры – хорошие люди.

– По крайней мере, сикхи твои держались такого мнения, – проговорил солдат, хмурясь на сидевшего в углу безмолвного старика. – Именно так думали *твои* сикхи, когда две наши роты пришли им на помощь в Пирзай-Котале; восемь афридийских знамен торчали тогда на гребне. С тех пор еще и трех месяцев не прошло.

Он рассказал о военных действиях на границе, во время которых догрские роты лудхийских сикхов хорошо себя показали.

Амритсарская девица улыбнулась; она понимала, что рассказчик стремится вызвать ее одобрение.

– Увы! – произнесла жена земледельца, когда солдат кончил. – Значит, деревни их были сожжены и маленькие дети остались без крова?

– Они уродовали наших убитых. После того как мы, солдаты сикхского полка, проучили их, они заплатили большую дань. Вот как все это было... Это что? Не Амритсар ли?

– Да, и здесь прокалывают наши билеты, – сказал ростовщик, шаря у себя за кушаком.

Фонари бледнели при свете зари, когда контролер-метис начал обход. На Востоке, где люди засовывают свои билеты во всякие необычные места, проверка билетов тянется долго. Ким показал свой билет, и ему велели выходить.

– Но я еду в Амбалу, – заспорил он, – я еду с этим святым человеком.

– Можешь ехать хоть в *джаханнам*, мне-то что? Этот билет только до Амритсара. Пошел вон!

Ким разразился потоком слез, уверяя, что лама ему отец и мать, что он, Ким, опора его преклонных лет и что лама умрет без его помощи. Весь вагон упрашивал контролера смилостивиться (особенное красноречие проявил ростовщик), но контролер вытащил Кима на платформу. Лама моргал глазами: он не в силах был понять, что происходит, а Ким еще громче рыдал за окном вагона.

– Я очень беден. Отец мой умер, мать умерла. О милостивцы, если я здесь останусь, кто будет ухаживать за этим стариком?

– Что... что это такое? – повторял лама. – Он должен ехать в Бенарес. Он должен ехать со мною вместе. Он мой чела. Если нужно уплатить деньги...

– О, замолчи! – прошептал Ким. – Разве мы раджи, чтобы швыряться добрым серебром, когда люди вокруг так добры.

Амритсарская девица вышла, захватив свои свертки, и Ким устремил на нее внимательный взор. Он знал, что подобные женщины обычно щедры.

– Билет, маленький билетик до Амбалы, о Разбивающая Сердца! – Она рассмеялась. – Неужели и ты не милосердна?

– Святой человек пришел с Севера?

– Он пришел издалека, с самого далекого Севера, с Гор, – воскликнул Ким.

– Теперь на Севере снег лежит в горах между соснами. Мать моя была родом из Кулу. Возьми себе билет. Попроси его благословить меня.

– Десять тысяч благословений, – завизжал Ким. – О святой человек! Женщина подала нам милостыню, женщина с золотым сердцем, так что я смогу ехать вместе с тобой. Побегу за билетом.

Девица взглянула на ламу, который машинально вышел на платформу вслед за Кимом. Он наклонил голову, чтобы не смотреть на нее, и забормотал что-то по-тибетски, когда она уходила с толпой.

– Легко добывают, легко и тратят, – ядовито проговорила жена земледельца.

– Она приобрела заслугу, – возразил лама. – Наверное, это была монахиня.

– В одном Амритсаре тысяч десять таких монахинь. Иди обратно, старик, не то поезд уйдет без тебя, – прокричал ростовщик.

– Хватило не только на билет, но и на чуточку пищи, – сообщил Ким, прыгая на свое место. – Теперь ешь, святой человек. Гляди! День наступает.

Золотые, розовые, шафранные, алые курились утренние туманы над плоскими зелеными равнинами. Весь богатый Пенджаб открывался в блеске яркого солнца. Лама слегка отклонился назад при виде мелькающих телеграфных столбов.

– Велика скорость этого поезда, – сказал ростовщик с покровительственной усмешкой. – Мы отехали от Лахора дальше, чем ты успел бы пройти за два дня. Вечером приедем в Амбалу.

– Но оттуда еще далеко до Бенареса, – устало молвил лама, жуя предложенные Кимом лепешки. Все пассажиры развязали свои узлы и принялись за утреннюю еду. Потом ростовщик, земледelec и солдат набили себе трубки и наполнили вагон удушливым, крепким дымом; они сплевывали и кашляли с наслаждением. Сикх и жена земледельца жевали *пан*, лама нюхал табак и перебирал четки, а Ким, скрестив ноги, улыбался, радуясь приятному ощущению в полном желудке.

– Какие у вас в Бенаресе реки? – неожиданно спросил лама, обращаясь ко всему вагону вообще.

– У нас есть Ганга, – ответил ростовщик, когда тихое хихиканье умолкло.

– А еще какие?

– Какие же еще, кроме Ганга?

– Нет, я имел в виду некую Реку Исцеления.

– Это и есть Ганга. Кто искупается в ней, очистится и пойдет к богам. Я трижды совершал паломничество на Гангу, – он гордо оглянулся кругом.

– Ты в этом нуждался, – сухо сказал молодой сипай, и смех путешественников обратился на ростовщика.

– Очиститься... чтобы вернуться к богам, – пробормотал лама, – и вновь вращаться в круговороте жизни, будучи по-прежнему привязанным к Колесу! – Он с раздражением покачал головой. – Но, может быть, здесь ошибка. Кто же вначале сотворил Гангу?

– Боги. Какую из известных нам вер исповедуешь ты? – спросил ростовщик, сбитый с толку.

– Я следую Закону, Всесовершенному Закону. Так, значит, боги сотворили Гангу? Что это были за боги?

Весь вагон в изумлении смотрел на него. Никто не понимал, как это можно не знать о Ганге.

– Какому... какому богу ты поклоняешься? – спросил, наконец, ростовщик.

– Слушайте! – произнес лама, перекладывая четки из одной руки в другую. – Слушайте, ибо я буду говорить о нем! О народ Хинда, слушай!

Он начал рассказывать историю владыки Будды на языке урду, но, увлеченный своими мыслями, перешел на тибетский и стал приводить монотонные тексты из одной китайской книги о жизни Будды. Мягкие, веротерпимые люди благоговейно смотрели на него. Вся Индия

кишит святыми, бормочущими проповеди на незнакомых языках; фанатиками, потрясенными и снедаемыми огнем религиозного рвения; мечтателями, болтунами и ясновидцами. Так было от начала времен и так будет до конца.

– Хм! – произнес солдат из полка лудхиянских сикхов. – В Пирзан-Котале рядом с нами стоял мусульманский полк и в нем служил какой-то ихний жрец, – помнится, он был *наиком*, – так вот, когда на него накатывало, он пророчествовал. Но бог хранит всех безумных. Начальство многое спускало этому человеку.

Лама, вспомнив, что он находится в чужой стране, опять перешел на урду.

– Послушайте рассказ о Стреле, которую владыка наш выпустил из лука, – сказал он. Это гораздо больше отвечало вкусам присутствующих, и они с любопытством выслушали его рассказ.

– А теперь, о народ Хинда, я иду искать эту Реку. Не можете ли вы указать мне путь, ибо все мы, и мужчины, и женщины, живем во зле?

– Ганга, только Ганга смывает грехи, – пронеслось по всему вагону.

– Однако у нас в Джаландхаре тоже добрые боги, уж это так, – сказала жена земледельца, выглядывая из окна. – Смотрите, как они благословили хлеба.

– Обойти все реки в Пенджабе – немалое дело, – промолвил ее муж. – С меня хватит и той речки, которая покрывает мое поле хорошим илом, и я благодарю Бхумию, бога усадьбы, – он дернул узловатым бронзовым плечом.

– Ты думаешь, наш владыка заходил так далеко на север? – сказал лама, обращаясь к Киму.

– Возможно, – успокоительно ответил Ким, выплевывая красный сок пана на пол.

– Последним из великих людей, – авторитетно произнес сикх, – был Сикандар Джал кары (Александр Македонский). Он вымостил улицы Джаландхара и построил большой водоем около Амбалы. Мостовая держится до сего дня, и водоем тоже уцелел. Я никогда не слыхал о твоём боге.

– Отрасти волосы и говори на пенджаби, – шутливо обратился молодой солдат к Киму, цитируя северную поговорку. – Этого достаточно, чтобы стать сикхом. – Но он сказал это не очень громко.

Лама вздохнул и погрузился в созерцание. Он казался темной бесформенной массой. Когда среди общего говора наступали паузы, слышалось низкое монотонное гудение: «Ом мани падме хум! Ом мани падме хум!» – и стук деревянных четок.

– Это утомляет меня, – сказал он, наконец. – Быстрота и стук утомляют меня. Кроме того, мой чела, не пропустили ли мы нашу Реку?

– Успокойся, успокойся, – говорил Ким. – Разве Река не вблизи Бенареса? А мы еще далеко от этого места.

– Но если наш владыка был на Севере, так, может, это одна из тех речек, через которые мы переезжали?

– Не знаю.

– Но ты был послан мне, – был ты мне послан или нет? – за те заслуги, которые я приобрел там, в Сач-Зене. Ты пришел из-за пушки, двуликий... и в двух одеждах.

– Молчи. Здесь нельзя говорить об этих вещах, – зашептал Ким. – Один я был там. Подумай – и ты вспомнишь. Только мальчик... мальчик-индус... у большой зеленой пушки.

– Но разве там не было англичанина с белой бородой, святого человека среди священных изображений, который сам укрепил мою веру в Реку Стрелы?

– Он... мы... пошли в Аджаиб-Гхар, в Лахоре, чтобы там помолиться богам, – объяснил Ким окружающим, которые, не стесняясь, прислушивались к ним. – И сахиб из Дома Чудес говорил с ним, – да, это истинная правда, – как с братом. Он очень святой человек, родом издалека, из-за Гор. Отдохни! В положенное время мы приедем в Амбалу.

– Но Река... Река моего исцеления?

– И тогда, если хочешь, мы пешком пойдем искать эту Реку. Так, чтобы ничего не пропустить, ни одного самого маленького ручейка на полях.

– Но у тебя свое собственное искание? – Лама, очень довольный, что так ясно все помнит, сел прямо.

– Да, – подтвердил Ким, ободряя его. Мальчик был совершенно счастлив тем, что куда-то едет, жует пан и видит новых людей в большом благожелательном мире.

– Это был Бык, Красный Бык, который придет, чтобы помочь тебе и увести тебя... куда? Я позабыл. Красный Бык на зеленом поле, не так ли?

– Нет, он никуда меня не уведет, – сказал Ким. – Это я просто сказку тебе рассказал.

– Что такое? – жена земледельца наклонилась вперед, и браслеты на руках ее звякнули. – Или вы оба видите сны? Красный Бык на зеленом поле, который уведет тебя на небо... так, что ли? Это было видение? Кто-нибудь это предсказал? В нашей деревне, за городом Джалан-дхаром, есть красный бык, и он пасется, где хочет, на самых зеленых наших полях!

– Подай только бабе старухину сказку, а птице-ткачу листок и нитку – и они наплетут всяких чудес, – сказал сикх. – Всех святых людей посещают видения, а ученики, следуя святым, тоже выучиваются этому.

– Ведь это был Красный Бык на зеленом поле? – повторил лама. – Возможно, что в какой-нибудь из прежних жизней своих ты приобрел заслугу, и Бык придет, чтобы вознаградить тебя.

– Нет, нет... это мне просто сказку рассказали... наверное, в шутку. Но я буду искать Быка вокруг Амбалы, а ты поищешь свою Реку и отдохнешь от стука поезда.

– Возможно, Бык знает, что он послан указать путь нам обоим, – с детской надеждой промолвил лама. Потом он обратился к присутствующим, указывая на Кима: – Он только вчера был послан мне. Я думаю, что он не от мира сего.

– Видала я много нищих и святых, но такого йоги с таким учеником еще не видывала, – сказала женщина.

Муж ее легонько тронул пальцем свой лоб и улыбнулся. Но, когда лама принялся за еду, все они стали предлагать ему лучшее, что у них было.

В конце концов усталые, сонные и запыленные, они прибыли на вокзал города Амбалы.

– Мы приехали сюда по делам одной тяжбы, – сказала жена земледельца Киму. – Мы остановимся у младшего брата двоюродной сестры моего мужа. Во дворе найдется место для тебя и твоего йоги. А что, он... он благословит меня?

– О святой человек! Женщина с золотым сердцем хочет дать нам приют на ночь. Эта южная страна – страна милосердия. Вспомни, как нам помогали с самого утра.

Лама, благословляя женщину, наклонил голову.

– Пускать в дом младшего брата моей двоюродной сестры всяких бродяг... – начал муж, вскидывая на плечо тяжелую бамбуковую дубинку.

– Младший брат твоей двоюродной сестры до сих пор должен двоюродному брату моего отца часть денег, истраченных на свадьбу дочери, – резко сказала женщина. – Пусть он спишет с этого долга стоимость их пропитания. Йоги, наверно, будет просить милостыню.

– Еще бы, я прошу милостыню вместо него, – подтвердил Ким, стремившийся прежде всего найти ночлег для ламы, с тем чтобы самому отыскать англичанина Махбуба Али и отделаться от родословной белого жеребца.

– А теперь, – сказал он, когда лама устроился во внутреннем дворе зажиточного индуистского дома, позади военного поселка, – я ненадолго уйду, чтобы... чтобы... купить на базаре еды. Не выходи наружу, покуда я не вернусь.

– Ты вернешься? Ты обязательно вернешься? – старик схватил его за руку. – И ты вернешься в том же самом образе? Разве сейчас уже поздно идти искать Реку?

– Слишком поздно и слишком темно. Успокойся, подумай, как далеко ты уже отъехал – на целых сто миль от Лахора.

– Да, а от моего монастыря еще дальше. Увы! Мир велик и страшен.

Ким выскользнул и удалился. Никогда еще столь незаметная фигурка не носила на своей шее свою судьбу и судьбу десятков тысяч других людей. Указания Махбуба Али почти не оставляли сомнений в том, где именно находится дом англичанина; какой-то грум, отвозивший хозяйский шарабан из клуба домой, дал Киму дополнительные сведения. Оставалось только разыскать самого этого человека, и Ким, проскользнув через садовую изгородь, спрятался в пушистой траве близ веранды. Дом сверкал огнями, и слуги двигались в нем среди накрытых столов, уставленных цветами, хрусталем и серебром.

Вскоре из дома вышел англичанин, одетый в черный костюм и белую рубашку. Он напевал какой-то мотив. Было слишком темно, чтобы рассмотреть его лицо, и Ким, по обычаю нищих, решил испытать старинную уловку.

– Покровитель бедных!

Человек обернулся на голос.

– Махбуб Али говорит...

– Ха! Что говорит Махбуб Али? – он даже не взглянул на говорившего, и Киму стало ясно, что он знает, о чем идет речь.

– Родословная белого жеребца вполне установлена.

– Чем это доказано? – англичанин перешел к шпалерам из роз, окаймлявшим аллею.

– Махбуб Али дал мне вот это доказательство, – Ким швырнул в воздух комочек бумаги, и он упал на дорожку рядом с человеком, который наступил на него ногой, увидев, что из-за угла выходит садовник. Когда слуга ушел, он поднял комочек, бросил на землю рупию – Ким услышал звон металла – и зашагал к дому, ни разу не оглянувшись. Ким быстро поднял монету; впрочем, несмотря на условия своего воспитания, он был истым ирландцем и считал серебро наименее важным элементом всякой игры. Чего он всегда хотел, так это наглядно узнавать, к каким результатам приводит его деятельность; поэтому, вместо того чтобы ускользнуть прочь, он лег на траву и, как червь, пополз к дому.

Он увидел – индийские *бунгало* открыты со всех сторон, – что англичанин, вернувшись в расположенную за углом веранды заваленную бумагами и портфелями туалетную комнату, служившую также кабинетом, сел читать послание Махбуба Али. Лицо его, ярко освещенное керосиновой лампой, изменилось и потемнело, и Ким, подобно всем нищим привыкший следить за выражением лиц, отметил это.

– Уил! Уил, милый! – прозвучал женский голос. – Иди в гостиную. Они вот-вот приедут.

– Уил! – снова прозвучал голос пять минут спустя. – Он приехал. Я слышу, как солдаты едут по аллее.

Человек выскочил наружу без шляпы, а в это время у веранды остановилось большое ландо, вслед за которым ехали четыре туземных кавалериста, и из него вышел высокий черноволосый человек, прямой как стрела. Впереди шел молодой любезно улыбавшийся офицер. Ким лежал на животе, почти касаясь высоких колес. Хозяин и черный незнакомец обменялись двумя фразами.

– Конечно, сэр, – быстро проговорил молодой офицер. – Все обязаны ждать, если дело касается лошади.

– Мы задержимся не больше чем на двадцать минут, – сказал знакомый Кима, – А вы будьте за хозяина, занимайте гостей и все такое.

– Велите одному из солдат подождать, – сказал высокий человек, и оба они прошли в туалетную комнату, а ландо покатило прочь. Ким видел, как головы их склонились над посланием Махбуба Али, и слышал их голоса: один голос был тихий и почтительный, а другой решительный и резкий.

– Дело идет не о неделях, а о днях, чуть ли не о часах, – произнес старший. – Я давно уже ожидал этого, но вот эта штука, – он хлопнул по записке Махбуба Али, – решает дело. Кажется, у вас сегодня обедает Гроган?

– Да, сэр, и Маклин тоже.

– Отлично. Я сам поговорю с ними. Дело, конечно, будет доложено Совету, но здесь случай такого рода, что мы имеем право действовать немедленно. Предупредите Пиндскую и Пешаварскую бригады. Это внесет путаницу в расписание летних смен, но тут уже ничего не поделаешь. Вот что получается, если их сразу же не проучить хорошенько. Восьми тысяч, пожалуй, хватит.

– Как насчет артиллерии, сэр?

– Я посоветуюсь с Маклином.

– Так, значит, война?

– Нет, карательная экспедиция. Когда чувствуешь себя связанным действиями своего предшественника...

– Но, быть может, С.25-й солгал?

– Он подтверждает донесение другого лица. В сущности, они уже шесть месяцев назад показали свои когти. Но Девениш утверждал, что имеются шансы на мир. Конечно, они воспользовались этим, чтобы пополнить свои силы. Немедленно отправьте эти телеграммы... новый шифр, не старый – мой и Уортонов. Не думаю, что нам нужно заставлять дам ожидать нас дольше. Все остальное мы обсудим за послеобеденными сигарами. Я не сомневался, что так и будет. Карательная экспедиция – не война.

Когда кавалерист отъехал, Ким пробрался к задней половине дома, где он, основываясь на своем лахорском опыте, ожидал получить пищу и... информацию. Кухня кишела возбужденными поварами, один из которых толкнул его.

– Ай, – взвизгнул Ким, притворяясь плачущим, – я только пришел помыть тарелки, чтобы меня за это накормили.

– Вся Амбала сюда устремилась за этим же. Убирайся отсюда! Они сейчас суп кушают. Ты думаешь, что нам, слугам Крейтона-сахиба, нужна чужая помощь при большом обеде?

– А это очень большой обед? – спросил Ким, косясь на блюда.

– Еще бы. А главный гость не кто иной, как сам *джанг-и-лат-сахиб* (главнокомандующий).

– Хо! – издал Ким гортанный возглас изумления. Он узнал все, что хотел, и, когда поваренок отвернулся, ушел прочь.

– И вся эта суматоха, – сказал он себе, по своему обыкновению думая на хиндустани, – происходит из-за родословной какой-то лошади. Махбубу Али надо бы поучиться лгать у меня. Всякий раз, как я передавал поручения, они касались женщин. Теперь – мужчин. Тем лучше. Высокий человек сказал, что они пошлют большую армию наказывать кого-то... где-то там... Вести пойдут в Пинди и Пешавар. И пушки будут. Надо мне было подползти поближе. Новости важные!

Вернувшись, он увидел, что младший брат двоюродной сестры земледельца во всех подробностях обсуждает семейную тяжбу вместе с земледельцем, его женой и несколькими приятелями, а лама дремлет. После ужина кто-то передал ему хукку, и Ким чувствовал себя почти мужчиной, посасывая гладкую кокосовую скорлупу; он высунул ноги наружу, под свет луны, то и дело щелкал языком и вставлял в разговор свои замечания. Хозяева были с ним чрезвычайно любезны, ибо жена земледельца рассказала им, что ему привиделся Красный Бык и что он, по всей вероятности, явился из другого мира. Кроме того, лама служил предметом великого и благоговейного любопытства. Позже зашел домашний жрец, старый веротерпимый сарсатский брахман, и, само собой разумеется, завел богословский диспут с целью произвести впечатление на все семейство. Конечно, в вопросах веры все держали сторону жреца, но лама

был гостем и новым человеком. Его мягкая доброта, внушающие почтение китайские цитаты, звучавшие как заклинания, приводили собравшихся в полный восторг, и в этой благожелательной атмосфере он, расцветший как лотос Бодисатвы, стал рассказывать о своей жизни в великих Сачзенских горах, жизни, которую вел до того момента, когда, по его собственным словам, «встал, чтобы искать просветления».

Затем выяснилось, что в дни его мирской, суетной жизни он был мастером по составлению гороскопов, и домашний жрец попросил его описать свой метод. Каждый из них называл планеты именами, которые другой понять не мог, и показывал пальцем вверх на крупные, плывущие во мраке звезды. Хозяйские дети без помехи дергали его четки, и лама, совершенно позабыв об уставе, запрещающем смотреть на женщин, рассказывал о вечных снегах, об оползнях, заваленных проходах, отдаленных скалах, где люди находят сапфиры и бирюзу, и о той чудесной пересекающей горы дороге, которая в конце концов доходит до самого Великого Китая.

– Какого ты о нем мнения? – спросил тихонько земледелец, отводя в сторону жреца.

– Святой человек, поистине святой человек. Боги его – не боги, но стопы его стоят на Пути, – ответил тот. – А его способы составления гороскопов, хотя это и не твоего ума дело, мудры и точны.

– Скажи мне, – лениво промолвил Ким, – найду ли я своего Красного Быка на зеленом поле, как мне было обещано?

– Что ты знаешь о часе своего рождения? – спросил жрец, раздуваясь от важности.

– Я родился между первыми и вторыми петухами, в первую ночь мая.

– Какого года?

– Не знаю, но в час, когда я впервые вскрикнул, в Сринагаре, что находится в Кашмире, началось великое землетрясение. – Об этом Ким слышал от своей воспитательницы, а она, в свою очередь, от Кимбола О'Хары. Землетрясение ощущалось в Северной Индии и в Пенджабе, от него долгое время вели счет годам.

– Ай! – заволновалась одна из женщин. Это обстоятельство, казалось ей, подтверждало сверхъестественное происхождение Кима. – Кажется, дочь такого-то родилась в тот же день.

– И мать ее родила своему мужу четырех сыновей за четыре года – все прелестные мальчики! – воскликнула жена земледельца, сидевшая в тени, поодаль.

– Ни один человек, владеющий этой наукой, – сказал домашний жрец, – не забыл, в каких *Домах* пребывали планеты той ночью. – Он начал что-то чертить на пыльной земле двора. – Ты имеешь право не меньше, чем на половину Дома Быка. Что именно тебе пророчили?

– Наступит день, – начал Ким в восторге от произведенного впечатления, – и я буду возвеличен Красным Быком на зеленом поле, но сначала придут двое людей, которые все подготовят.

– Да, так всегда бывает в начале видения. Густая тьма медленно проясняется, и вот входит некто с метлой, чтобы приготовить место. Затем начинается видение. Ты говоришь, два человека? Да, да. Солнце, покинув Дом Быка, входит в Дом Близнецов. Отсюда двое людей из пророчества. Теперь поразмыслим... Принеси мне прутик, малыш.

Сдвинув брови, он чертил, стирал и вновь чертил в пыли таинственные знаки, к изумлению всех, кроме ламы, который, обладая тонким чувством такта, не позволял себе вмешиваться.

Через полчаса жрец с ворчаньем отбросил прутик.

– Хм! Вот что говорят звезды: через три дня придут два человека, чтобы все подготовить. За ними последует Бык, но знак над ним – знак войны и вооруженных людей.

– В нашем вагоне, когда мы ехали из Лахора, действительно был солдат из полка лудхийанских сикхов, – простодушно промолвила жена земледельца.

– Нет! Вооруженные люди; много сотен. Какая у тебя связь с войной? – спросил жрецу Кима. – Твой знак – красный и гневный знак войны, которая вот-вот должна начаться.

– Нет, нет, – серьезно возразил лама, – мы ищем мира и нашу Реку, – и только.

Ким улыбнулся, вспомнив о подслушанном им разговоре в туалетной комнате. Звезды действительно ему покровительствовали.

Жрец стер ногой грубый гороскоп.

– Больше этого я увидеть не могу. Через три дня к тебе придет Бык, мальчик мой.

– А моя Река? Река? – умолял лама. – Я надеюсь, что Бык обоих нас поведет к Реке.

– Увы, что касается этой чудодейственной Реки, брат мой, – ответил жрец, – такие вещи встречаются не часто.

Наутро, хотя их и убеждали остаться, лама настоял на том, чтобы уйти. Киму дали большой узел с хорошей пищей и чуть ли не три аны медью на путевые расходы, и все, произнося множество напутственных благословений, смотрели, как оба путника уходят на юг в предрасветных сумерках.

– Жаль, что эти люди и подобные им не могут освободиться от Колеса Всего Сущего, – сказал лама.

– Ну, нет, кабы только одни злые люди остались на земле, кто давал бы нам кров и пищу, – заметил Ким, весело ступая со своей ношей на спине.

– Вон там ручеек. Давай посмотрим, – сказал лама и, сойдя с белой дороги, пошел по полю, где наткнулся на целый выводок бродячих собак.

Глава III

*Горячим ветром с тех времен,
Как Девадатта дал Закон,
Душ восходящих слабый стон
Доносится в Камакуру.*

«Будда в Камакуре»

Сзади них сердитый крестьянин размахивал бамбуковым шестом. Это был зеленщик из касты *ар айнов*, который выращивал овощи и цветы для города Амбалы, и Ким хорошо знал эту породу людей.

– Такой человек, – сказал лама, не обращая внимания на собак, – невежлив с незнакомцами, неводержан на язык и немилосерден. Его поведение да послужит тебе предупреждением, ученик мой.

– Хо, бессовестные нищие! – орал крестьянин. – Ступайте прочь! Убирайтесь!

– Мы уходим, – ответил лама со спокойным достоинством, – мы уходим с этих неблагоприятных полей.

– А, – произнес Ким, глубоко вздыхая, – если следующий урожай твой погибнет, пеняй на свой собственный язык.

Человек в смущении шаркал туфлями по земле.

– Вся округа кишит нищими, – начал он, как бы извиняясь.

– А почему ты решил, что мы будем просить у тебя милостыню, *малы*? – кольнул его Ким, употребив обращение, которое меньше всего нравится базарным зеленщикам. – Мы хотели только взглянуть вон на ту речку, за полем.

– Ну и речка! – фыркнул человек. – Из какого же вы города явились, если не умеете распознать прорытого канала? Он тянется прямо, как стрела, и я плачу за воду столько, словно это не вода, а расплавленное серебро. Там, дальше, рукав реки. Но если вам хочется пить, я могу вам дать воды... и молока тоже.

– Нет, мы пойдем к реке, – сказал лама, шагая дальше.

– Молока и пищи, – пробормотал человек, глядя на странную высокую фигуру. – Мне не хочется навлечь беду на себя или свой урожай. Но в теперешнее тяжелое время столько нищих таскается...

– Заметь себе это, – обратился лама к Киму, – алый туман гнева побудил его произнести грубые речи. Но едва туман спал с его глаз, он стал учтивым и доброжелательным. Да будут благословенны его поля. Остерегайся слишком поспешно судить о людях, о земледелец!

– Я встречал святых, которые проклинали бы все твое добро, начиная от камней на очаге до самого хлеба, – сказал Ким пристыженному человеку. – Ну, разве он не мудр и не свят? Я его ученик.

Высокомерно задрав нос, он с величайшей важностью шагал через узкие межи.

– Нет гордости, – начал лама после некоторой паузы, – нет гордости у тех, что идут по Срединному Пути.

– Но ты сказал, что он низкой касты и неучтив.

– О низкой касте я не говорил, ибо как может быть то, чего на самом деле нет? Впоследствии он искупил свою неучтивость, и я позабыл об оскорблении. Кроме того, он, также как и мы, привязан к Колесу Всего Сущего, но он не идет по пути освобождения. – Лама остановился у ручейка, текущего среди полей, и стал рассматривать выбитый копытами берег.

– Ну, а как же ты узнаешь свою Реку? – спросил Ким, садясь на корточки в тени высокого сахарного тростника.

– Когда я найду ее, мне обязательно будет даровано просветление. Но я чувствую, что здесь не то место. О малейшая из текучих вод, если бы только ты могла мне сказать, где течет моя Река! Но будь благословенна за то, что ты помогаешь полям растить хлеба!

– Стой! Стой! – Ким подскочил и оттащил его назад. Желтая с коричневым полоска выскользнула из-под красноватых шуршащих стеблей на берег, протянула шею к воде, попила и затихла – то была большая кобра с неподвижными глазами без век.

– Палки нет, палки нет, – твердил Ким. – Сейчас отыщу и перебую ей хребет.

– Зачем? Она, подобно нам, находится в кругу Колеса; это – жизнь, восходящая или нисходящая, очень далекая от освобождения. Великое зло сотворила, должно быть, душа, воплотившаяся в такую форму.

– Я ненавижу всех змей, – сказал Ким. Никакое туземное воспитание не может искоренить ужас белого человека перед Змеей.

– Пусть отживет свою жизнь. – Свернувшаяся кольцом змея зашипела и раздула шею. – Да ускорится твое освобождение, брат, – безмятежно продолжал лама. – Не знаешь ли ты случайно о моей Реке?

– В жизни не видывал такого человека, как ты, – прошептал ошеломленный Ким. – Неужели даже змеи понимают твою речь?

– Кто знает? – Лама прошел на расстоянии фута от поднятой головы кобры. Голова опустилась на пыльные кольца.

– Пойдем! – позвал он через плечо.

– Ну нет! – сказал Ким. – Я обойду кругом.

– Пойдем! Она не укусит.

Ким на минуту заколебался. Лама подкрепил свое приказание какими-то монотонными китайскими текстами, которые Ким принял за заклинания. Повинуясь, он перепрыгнул через ручеек, а змея так и не шевельнулась.

– В жизни я не видывал такого человека, – Ким вытер пот со лба. – А куда мы теперь пойдем?

– Это тебе надо решать. Я старик, чужеземец, далеко ушедший от своей родины. Если бы вагон не наполнял мне голову грохотом дьявольских барабанов, я в нем поехал бы теперь в Бенарес... Но, поступая так, мы, пожалуй, пропустим Реку. Давай поищем другую речку.

Целый день бродили они по тем местам, где усердно возделываемая почва дает по три, даже по четыре урожая в год; бродили по плантациям сахарного тростника, табака, длинной белой редиски и *налькаля*, сворачивая в сторону всякий раз, когда вдали сверкала вода; в полдень поднимали на ноги деревенских собак и сонные деревни, причем лама с невозмутимым простодушием отвечал на вопросы, сыпавшиеся градом.

Они ищут Реку – Реку чудодейственного исцеления. Не знает ли кто-нибудь о такой Реке? Бывало, что люди смеялись над ним, но чаще слушали рассказ до конца, приглашали путников присесть в тени, выпить молока, поесть. Женщины повсюду были добры к ним, а маленькие дети, подобно всем детям в мире, то робки, то дерзки. Вечер застал их на отдыхе под главным деревом поселка, где дома были с земляными стенами и земляными крышами. Они беседовали со старшиной, когда скот возвращался с пастбища, а женщины готовили ужин. Они вышли за пределы огородов, опоясывающих голодную Амбалу, и находились теперь среди хлебов, зеленеющих на протяжении многих миль.

Старшина, белобородый и приветливый старик, привык принимать незнакомцев. Он вытащил наружу веревочную постель для ламы, поставил перед ним горячую пищу, набил ему трубку и, когда вечернее моление в деревенском храме окончилось, послал за местным жрецом.

Ким рассказывал старшим из детей о величине и красоте Лахора, о путешествии по железной дороге и о городской жизни, а мужчины беседовали также медлительно, как скот их жевал жвачку.

– Не могу я этого взять в толк, – сказал наконец старшина жрецу. – А ты как понимаешь его речи?

Лама, закончив свой рассказ, сидел, перебирая четки.

– Он искатель, – ответил жрец, – страна полным полно такими людьми. Вспомни того, который приходил в прошлом месяце, – факира с черепахой.

– Да, но тот человек – дело другое. Ему сам Кришна явился в видении и обещал ему рай без предварительного сожжения на погребальном костре, если он пойдет в *Праяг*. Этот человек не ищет ни одного из тех богов, которые известны мне.

– Успокойся, – он стар, пришел издалека, и он полоумный! – ответил гладко выбритый жрец. – Слушай, – он обернулся к ламе, – в трех *косах* (шести милях) к западу отсюда пролегает большая дорога в Калькутту!

– Но мне нужно в Бенарес... в Бенарес.

– И в Бенарес тоже. Она пересекает все реки по эту сторону Хинда. Теперь вот что я скажу тебе, святой человек: отдохни здесь до завтрашнего дня. Потом ступай по этой дороге – он имел в виду *Великий Колесный Путь* – и проверяй все реки, которые она пересекает, ибо, как я понимаю, твоя Река одинаково священна на всем своем протяжении, а не в одной какой-нибудь заводи или другом каком-нибудь месте. И тогда, если богам твоим будет угодно, ты наверняка достигнешь своего освобождения.

– Хорошо сказано, – предложение произвело сильное впечатление на ламу. – Мы начнем завтра же, и да снизойдет на тебя благословение за то, что ты указал моим старым ногам такую близкую дорогу. – За этой фразой последовало низкое певучее бормотанье на китайском языке. Даже жрец был потрясен, а старшина испугался, не заклинание ли это, притом враждебное. Но никто, взглянув на простодушное, оживленное лицо ламы, не мог бы долго подозревать его в чем-либо.

– Ты видишь моего челу? – сказал лама, погружая пальцы в табакерку, и со значительным видом взял понюшку. Он считал своим долгом отплатить любезностью за любезность.

– Вижу и слышу, – старшина скосил глаза в ту сторону, где Ким болтал с девочкой в голубом платье, которая подкладывала в огонь трещавший терновник.

– Он тоже ищет. Не Реку, а Быка. Да, Красный Бык на зеленом поле придет в некий день и возвеличит его. Я думаю, что он не совсем от мира сего. Он был послан мне неожиданно, чтобы помочь в этом искании, и зовут его Другом Всего Мира.

Жрец улыбнулся.

– Эй, Друг Всего Мира, поди сюда, – крикнул он в сторону резко пахнущих клубов дыма, – кто ты такой?

– Ученик этого святого, – ответил Ким.

– Он говорит, что ты *бут* (дух).

– Разве буты могут есть? – сказал лама. – Некий астролог из города, название которого я позабыл...

– Это просто-напросто город Амбала, где мы провели прошлую ночь, – шепнул Ким жрецу.

– Да, так, значит, Амбала? Он составил гороскоп и заявил, что желание моего челы исполнится через два дня. Но как он толковал звезды, Друг Всего Мира?

Ким откашлялся и обвел глазами деревенских старцев.

– Моя звезда предвещает войну, – торжественно ответил он.

Кто-то засмеялся над оборванной фигуркой, важно развалившейся на кирпичной площадке под большим деревом. Но там, где туземец, присмирив, приник бы к земле, белая кровь Кима заставила его вскочить на ноги.

– Да, войну, – подтвердил он.

– Это верное предсказание, – загремел чей-то густой голос, – на Границе, как мне известно, война никогда не кончается.

Это был старик, который в дни Восстания служил правительству, будучи туземным офицером только что сформированного кавалерийского полка. Правительство отдало ему хороший земельный участок в этой деревне и, хотя требования его сыновей, ныне тоже успевших стать седобородыми офицерами, почти разорили его, он все еще считался важным лицом. Английские чиновники, вплоть до помощников комиссаров, сворачивали с прямой дороги в сторону, чтобы нанести ему визит, и в этих случаях он надевал военную форму прежних дней и стоял прямо, как шомпол.

– Но это будет большая война – война восьми тысяч, – пронзительный голос Кима, удивляя его самого, перелетал через быстро собиравшуюся толпу.

– Красные мундиры или наши полки? – старик говорил серьезно, словно расспрашивал равного себе. Тон его заставил толпу проникнуться уважением к Киму.

– Красные мундиры, – наудачу ответил Ким. – Красные мундиры и пушки.

– Но... но астролог ни слова об этом не говорил, – воскликнул лама, усиленно нюхая табак от волнения.

– А я знаю. Весть дошла до меня, ученика этого святого человека. Начнется война – война восьми тысяч красных мундиров. Их поведут из Пинди и Пешавара. Это навверное.

– Мальчик слышал базарные толки, – промолвил жрец.

– Но он у меня был все время под боком, – сказал лама. – Как мог он узнать? Я же не знал.

– Из него выйдет хороший фокусник, когда старик помрет, – пробормотал жрец старшине. – Что это за невидаль такая?

– Знак! Дай мне знак! – внезапно загремел старый военный. – Если бы надвигалась война, мои сыновья сообщили бы мне о ней!

– Когда все будет готово, твоим сыновьям скажут об этом, не сомневайся. Но от твоих сыновей до человека, в руках которого эти дела, – неблизкий путь. – Ким увлекся игрой, ибо она напоминала ему о его опыте по передаче писем, когда он, бывало, ради нескольких *пайс* притворялся, что знает больше, чем знал на самом деле. Но теперь он играл ради более высокой цели – только ради возбуждения игрока и ощущения своей власти. Он вздохнул и продолжал: – Сам дай мне знак, старик. Разве подчиненные могут приказывать восьми тысячам красных мундиров выступить в поход... да еще с пушками?

– Нет, – и опять старик сказал это так, словно Ким был ему ровней.

– Ты знаешь того, кто отдает приказы?

– Я видел его.

– И мог бы узнать его?

– Я знал его с тех пор, как он был офицером в *топхана* (артиллерии).

– Высокий человек. Высокий человек с черными волосами, а ходит он так, – Ким прошел несколько шагов связанной, деревянной походкой.

– Да. Но это всякий мог видеть, – толпа слушала разговор, затаив дыхание.

– Это верно, – сказал Ким, – но я больше скажу. Теперь гляди. Сначала большой человек ходит вот так. Потом он думает так. (Ким провел указательным пальцем по лбу, а потом вниз, до угла челюсти.) Потом вот так крутит себе пальцы. Потом сует свою шляпу под левую мышку. – Ким, копируя эти движения, стоял как аист.

Старик, оцепеневший от изумления, глубоко вздохнул, а по толпе пробежала дрожь.

– Так... так... так... Но что он делает, когда собирается отдавать приказ?

– Он трет себе затылок, вот так. Потом упирается пальцем в стол и чуть-чуть посапывает носом. Потом говорит: «Пошлите такой-то и такой-то полк. Вызовите такие-то пушки».

Старик встал навтыжку и отдал честь.

– Ибо, – Ким стал переводить на местное наречие приказы, услышанные им из туалетной комнаты в Амбале, – ибо, говорит он, мы давно обязаны были это сделать. Это не война, это карательная экспедиция. Чхх!

– Довольно! Я верю. Таким я видел его во время сражений. Видел и слышал. Это он!

– Я не видел сражений, – Ким перешел на вдохновенное бормотанье бродячих гадателей. – Я видел это во мраке. Сначала пришел человек, чтобы все разъяснить. Потом приехали всадники. Потом пришел он и стал в кругу света. Остальное было, как я уже сказал. Ну, старик, правду я говорил?

– Это он. Без всякого сомнения, он.

Толпа испустила долгий, трепетный вздох, глядя то на старика, который продолжал внимательно слушать, то на оборванного Кима, стоявшего на фоне пурпурной зари.

– Не говорил ли я, не говорил ли, что он из другого мира? – гордо воскликнул лама. – Он – Друг Всего Мира. Он – Друг Звезд.

– Ну, нас-то это не касается, – громко заявил какой-то человек. – Эй ты, юный предсказатель, если дар твой всегда при тебе, так вот у меня есть корова, пестрая с красными пятнами. Может, она сестра твоего быка, почему я знаю...

– А мне-то что? – сказал Ким. – Моим звездам нет дела до твоей скотины.

– Нет, но она сильно занемогла, – вмешалась одна женщина. – Мой муж – настоящий буйвол, не худо бы ему получше выбирать слова. Скажи мне, поправится она или нет?

Будь Ким обыкновенным мальчиком, он стал бы продолжать игру, но нельзя в течение тринадцати лет жить в Лахоре, знать всех факиров у Таксалийских ворот и не понимать человеческой природы.

Жрец с некоторой горечью искоса поглядел на него и улыбнулся сухой, враждебной улыбкой.

– Разве в деревне нет духовного лица? А мне казалось, я только что видел великого жреца, – воскликнул Ким.

– Да, но... – начала женщина.

– Но вы с мужем надеялись, что корову вылечат за горсточку благодарностей, – удар попал в цель: супруги слыли самой скупой парой в деревне. – Нехорошо обманывать храмы. Подари своему жрецу молодого теленка, и, если только боги не разгневались окончательно, она будет давать молоко через месяц.

– Ты отлично научился просить милостыню, – одобрительно промурлыкал жрец. – За сорок лет не достичь большего. Надо думать, старик разбогател благодаря тебе.

– Немного муки, немного масла, горсточка кардамона, – ответил Ким, покрасневший от похвалы, но по-прежнему осторожный, – разве через это разбогатеешь? И ты видишь, что он полоумный. Но мне это на пользу, по крайней мере я изучаю Путь.

Он знал, о чем говорят между собой факиры у Таксалийских ворот, и даже подражал интонациям их бессовестных учеников.

– А что, он и вправду ищет, о чем говорит, или это просто предлог для прикрытия других целей? Может, он ищет сокровища?

– Он – сумасшедший, настоящий сумасшедший. Вот и все.

Тут старый военный, прихрамывая, выступил вперед и спросил, не пожелает ли Ким воспользоваться его гостеприимством на эту ночь. Жрец посоветовал мальчику согласиться, но настоял на том, что честь принимать у себя ламу принадлежит храму, на что лама простодушно улыбнулся. Ким перевел глаза с одного на другого и сделал надлежащие выводы.

– Где деньги? – шепнул он, отводя ламу в неосвященное место.

– У меня на груди. Где им еще быть?

– Дай их мне. Дай потихоньку и поскорей.

– Но зачем? Ведь тут не нужно покупать билетов.

– Я твой чела или нет? Разве я не оберегаю тебя и не помогаю тебе на дорогах? Дай мне деньги и на рассвете я верну их.

Он просунул руку за кушак ламы и вынул кошелек.

– Пусть так... пусть так, – старик кивнул головой. – Этот мир велик и страшен. Не знал я, что в нем живет столько людей.

Наутро жрец казался очень сердитым, а лама был вполне доволен. Ким же провел интереснейший вечер со стариком, который вытащил свою кавалерийскую саблю и, раскачивая ее на худых коленях, рассказывал всякие истории о Восстании и молодых капитанах, вот уже тридцать лет покоившихся в могилах, куда Ким не уснул.

– В этой местности, должно быть, очень хороший воздух, – говорил лама. – Я по-стариковски сплю очень чутко, но прошлую ночь спал как убитый долго еще после рассвета. Я и сейчас какой-то заспанный.

– Выпей глоток горячего молока, – сказал Ким, частенько дававший лекарства такого рода знакомым курильщикам опиума. – Пора нам снова в путь.

– В тот длинный путь, что пересекает все реки Хинда, – весело сказал лама. – Пойдем. Но как думаешь, чела, чем нам отблагодарить этих людей, и особенно жреца, за их великую доброту? Правда, они бут-парасты, но в других жизнях, быть может, достигнут просветления. Не пожертвовать ли рупию на храм? Фигура, которая там стоит, всего только камень, покрытый красной краской, но мы всегда должны выражать признательность человеческому сердцу, если оно проявляет доброту.

– Святой человек, ты когда-нибудь совершал путь в одиночку? – Ким бросил на него зоркий взгляд, как у тех индийских ворон, что сустились на полях.

– Конечно, дитя, от Кулу до Патханкота, от Кулу, где умер мой первый чела. Когда люди делали нам добро, мы их отдаривали, и повсюду в Горах все были благожелательны к нам.

– В Хинде – дело другое, – сухо проговорил Ким. – Боги их многоруки и лукавы. Оставь их в покое.

– Я провожу тебя немного, Друг Всего Мира, тебя и твоего желтолицего. – Старый военный трясся на худом кривоногом пони по деревенской улице, окутанной утренним сумраком. – Прошлая ночь подарила много воспоминаний моему старому сердцу, и это было благословением для меня. Действительно, пахнет войной. Я чувствую ее запах. Смотри! Я взял с собой меч.

Длинноногий, он сидел на низенькой лошаденке, положив руку на рукоятку большого меча, висевшего сбоку, и свирепо глядел куда-то поверх плоской равнины на север.

– Скажи мне еще раз, каким он явился тебе в видении? Полезай сюда, садись позади меня. Лошадь может везти двоих.



Старый воин

– Я ученик этого святого, – сказал Ким, когда они проехали деревенскую околицу. Крестьяне, казалось, были огорчены тем, что расстались с ними, но жрец попрощался с ними холодно и сдержанно. Он зря потратил опиум на человека, при котором не было денег.

– Хорошо сказано. Я не слишком привык к святым, но почитать старших всегда хорошо. В теперешнее время почтения не встретишь... Даже когда комиссар-сахиб приезжает посетить меня. Но зачем же тому, чья звезда приведет его к войне, следовать за святым человеком?

– Но он действительно святой человек, – серьезно сказал Ким. – Святой и в правдивости своей, и в речах, и в поступках. Он не похож на других. В жизни я не видел такого человека. Мы не гадалы, не фокусники и не нищие.

– Ты-то нет, это я вижу. Но того я не знаю. Однако шагает он хорошо.

Ранняя утренняя свежесть бодрила ламу, и он шел легко, широкими верблюжьими шагами. Он глубоко погрузился в созерцание и машинально постукивал четками.

Они двигались по изборожденной колеями, истоптанной дороге, извивавшейся по равнине между большими темно-зелеными манговыми рощами. На востоке тянулась призрачная цепь увенчанных снегами Гималаев. Вся Индия работала на полях под скрип колодезных колес, крики пахарей, шагающих позади волов, и карканье ворон. Даже пони оживился под влиянием обстановки и чуть не затрусил, когда Ким положил руку на стремечный ремень.

– Я жалею, что не пожертвовал рупии на храм, – промолвил лама, добравшись до восьмидесяти первого – и последнего – шарика своих четок.

Старый военный проворчал что-то себе в бороду, и лама тут только заметил его присутствие.

– Такты тоже ищешь Реку, – спросил он, обернувшись.

– Теперь настали другие времена, – прозвучал ответ. – На что нужна река, кроме как на то, чтобы черпать из нее воду перед закатом солнца? Я еду показать тебе ближний путь к Великой Дороге.

– Это любезность, которую следует запомнить, о доброжелательный человек! Но к чему этот меч?

Старый военный казался пристыженным, как ребенок, пойманный за игрой в переодеванье.

– Меч, – повторил он, трогая оружие. – О, это просто моя причуда, старикинская причуда! Правда, полиция приказала, чтобы по всему Хинду ни один человек не смел носить оружие, но, – внезапно развеселившись, он хлопнул ладонью по рукоятке меча, – все *констабли* в округе мои знакомцы.

– Это нехорошая причуда, – проговорил лама. – Какая польза убивать людей?

– Очень маленькая, насколько мне известно, но если бы злых людей время от времени не убивали, безоружным мечтателям плохо пришлось бы в этом мире. Я знаю, что говорю, ибо видел, как вся область к югу от Дели была залита кровью.

– Что же это было за безумие?

– Одни боги знают – боги, пославшие его на горе всем. Безумие овладело войсками, и они восстали против своих начальников. Это было первое из зол и поправимое, если бы только люди сумели держать себя в руках. Но они принялись убивать жен и детей сахибов. Тогда из-за моря прибыли сахибы и призвали их к строжайшему ответу.

– Слух об этом, кажется, дошел до меня однажды, много лет тому назад. Помнится, этот год прозвали Черным Годом.

– Какую же ты вел жизнь, если не знаешь о Черном Годе? Нечего сказать, слух! Вся земля знала об этом и сотрясалась.

– Наша земля сотрясалась лишь раз, – в тот день, когда Всесовершенный достиг просветления.

– Хм! Я видел, как сотрясался Дели, а Дели – центр Вселенной.

– Так, значит, они напали на женщин и детей? Это было злое дело, за совершение которого нельзя избежать кары.

– Многие стремились к этому, но с очень малым успехом. Я служил тогда в кавалерийском полку. Он взбунтовался. Из шестисот восьмидесяти сабель остались верны своим кормильцам, как думаешь, сколько? – Три. Одним из троих был я.

– Тем больше твоя заслуга.

– Заслуга! В те дни мы не считали это заслугой. Все мои родные, друзья, братья отступились от меня. Они говорили: «Время англичан прошло. Пусть каждый сам для себя отвоюет небольшой кусок земли». Я толковал с людьми из Собраона, Чилианвалы, Мудки и Фирозшаха. Я говорил: «Потерпите немного, и ветер переменится. Нет благословения таким делам». В те дни я проехал верхом семьдесят миль с английской *мем-сахиб* и ее младенцем в тороках. (Эх! Вот был конь, достойный мужчины!) Я довез их благополучно и вернулся к своему начальнику – единственному из наших пяти офицеров, который не был убит. «Дайте мне дело, – сказал я, – ибо я отщепенец среди своего рода и сабля моя мокра от крови моего двоюродного брата». А он сказал: «Будь спокоен. Впереди еще много дел. Когда это безумие кончится, будет тебе награда».

– Да, когда безумие кончается, обязательно следует награда, не так ли? – пробормотал лама как бы про себя.

– В те дни не вешали медалей на всех, кому случайно довелось услышать пушечный выстрел. Нет! Я участвовал в девятнадцати регулярных сражениях, в сорока шести кавалерийских схватках, а мелких стычек и не счесть. Девять ран я ношу на себе, медаль, четыре пряжки и орденскую медаль, ибо начальники мои, которые теперь вышли в генералы, вспомнили обо мне, когда исполнилось пятьдесят лет царствования *Кайсар-э-Хинд* и вся страна ликовала. Они сказали: «Дайте ему орден Британской Индии». Теперь я ношу его на шее. Я владею моим *джагиром* (поместьем); государство пожаловало его мне, это – подарок мне и моим потомкам. Люди старых времен – ныне они комиссары – навещают меня... Они едут верхом между хлебами, высоко сидя на конях, так что вся деревня видит их; мы вспоминаем о прежних схватках и обо всех погибших.

– А потом? – промолвил лама.

– О, потом они уезжают, но не раньше, чем их увидит вся деревня.

– А что ты будешь делать потом?

– Потом я умру.

– А потом?

– Это пусть решают боги. Я никогда не надоедал им молитвами, не думаю, чтобы они стали надоедать мне. Слушай, я за долгую свою жизнь заметил, что тех, кто вечно пристает к превышним с жалобами и просьбами, с ревом и плачем, боги спешно призывают к себе, подобно тому как наш полковник вызывал к себе невоздержанных на язык деревенских парней, которые слишком много болтали. Нет, я никогда не надоедал богам. Они это помнят и уготовят мне спокойное местечко, где я уберу подальше свою пику и буду поджидать своих сыновей; их у меня целых трое... все *рисалдар*- майоры... служат в полках.

– И они тоже, привязанные к Колесу, будут переходить от жизни к жизни, от отчаяния к отчаянию, – тихо промолвил лама, – горячие, беспокойные, требовательные.

– Да, – засмеялся старый военный, – Трое *рисалдаров* в трех полках. Они, пожалуй, охотники до азартных игр, но ведь и я такой же. Им надо хороших коней, а теперь уж не придется уводить коней так, как в прежние дни уводили женщин. Ну что ж, мое поместье может оплатить все это. Ты что думаешь? Ведь это – хорошо орошенный клочок земли, но мои люди надувают меня. Я не умею просить иначе, как с помощью острия пики. Уф! Я сержусь и проклинаю их, а они притворно каются, но я знаю, что у меня за спиной они зовут меня беззубой старой обезьяной.

– Разве ты никогда не желал чего-нибудь другого?

– Еще бы, конечно, тысячу раз! Вновь иметь прямую спину, плотно прилегающее колено, быструю руку и острый глаз, и все то лучшее, что есть в мужчине. О былые дни, прекрасные дни моей силы!

– Эта сила есть слабость.

– Так оно действительно и вышло, но пятьдесят лет тому назад я доказал бы противное, – возразил старый воин, вонзая острый край стремени в худой бок пони.

– Но я знаю Реку Великого Исцеления.

– Я столько выпил воды из Танги, что со мной чуть водянка не сделалась. Все, что она мне дала, – это расстройство желудка, а силы никакой.

– Это не Ганга. Река, которую я знаю, смывает все грехи. Кто причалит к ее дальнему берегу, тому обеспечено освобождение. Я не знаю твоей жизни, но лицо твое – лицо почтенного и учтивого человека. Ты держался своего пути, соблюдая верность в то время, когда это было трудным делом, в тот Черный Год, о котором я сейчас припоминаю другие рассказы. А теперь вступи на Срединный Путь, который есть путь к освобождению. Прислушайся к Всесовершенному Закону и не гонись за мечтами.

– Так говори же, старик, – военный улыбнулся, слегка поклонившись. – Все мы в нашем возрасте становимся болтунами.

Лама уселся под манговым деревом, тень от листвы которого клетчатой тканью падала на его лицо; военный, выпрямившись, сидел верхом на пони, а Ким, убедившись, что поблизости нет змей, улегся между развилинами скрюченных корней.

Насекомые усыпляюще жужжали под горячими лучами солнца, ворковали голуби, сонно гудели колодезные колеса над полями. Лама начал говорить медленно и выразительно. Спустя десять минут старый воин слез с пони, чтобы лучше слышать, как он объяснил, и уселся на землю, обмотав повод вокруг запястья. Голос ламы срывался, паузы между периодами удлинялись. Ким был занят наблюдением за серой белкой. Когда маленький сердитый комочек меха, плотно прижавшийся к ветке, исчез, проповедник и слушатель крепко спали. Резко очерченная голова старого воина покоилась у него на руке, голова ламы, запрокинутая назад, опиралась о древесный ствол и на фоне его казалась вырезанной из желтой слоновой кости. Какой-

то голый ребенок приковылял к ним и, во внезапном порыве почтения, торжественно поклонился лапе, – но ребенок был такой низенький и толстый, что он свалился набок, и Ким расхохотался при виде его раскоряченных пухлых ножек. Ребенок, испуганный и возмущенный, громко разревелся.

– Хай! Хай! – вскричал военный, вскакивая на ноги. – Что такое? Какой приказ?.. Да это... ребенок? А мне приснилось, что пробили тревогу. Маленький... маленький... не плачь. Неужели я спал? Поистине, это неучтиво.

– Страшно! Боюсь! – ревел ребенок.

– Чего бояться? Двух стариков и мальчика? Какой же из тебя выйдет солдат, маленький принц?

Лама тоже проснулся, но, не обращая внимания на ребенка, стучал четками.

– Что это такое? – произнес ребенок, не dokonчив вопля. – Я никогда не видал таких штук. Отдай их мне.

– Ага, – улыбаясь, проговорил лама и, свернув четки петлей, поволок их по траве.

Вот кардамона целая горсть,
Вот масла кусок большой.
Вот и пшено, и перец, и рис —
Пожинать нам с тобой.

Ребенок взвизгнул от восторга и схватил темные блестящие шарики.

– Охо! – проговорил старый военный. – Где же ты выучился этой песенке, презирающий мир?

– Я слышал ее в Пантханкоте, сидя на чьем-то пороге, – стыдливо ответил лама. – Хорошо быть добрым к детям.

– Помнится, до того как сон одолел нас, ты сказал мне, что брак и деторождение затемняют истинный свет, что они – камни преткновения на Пути. А разве в твоей стране дети с неба падают? Разве петь им песенки не противоречит Пути?

– Нет человека вполне совершенного, – серьезно ответил лама, поднимая четки. – Теперь беги к своей матери, малыш.

– Вы только послушайте его! – обратился военный к Киму. – Ему стыдно, что он позабавил ребенка. В тебе пропадает хороший отец семейства, брат мой. Эй, дитя! – он бросил ребенку пайсу. – Сласти всегда сладки. – И когда малыш умчался прочь, залитый солнечным светом, он сказал: – Они растут и становятся мужчинами. Святой человек, я сожалею, что заснул в середине твоей проповеди. Прости меня.

– Оба мы старики, – проговорил лама. – Вина моя. Я слушал твои речи о мире и его безумии, и одна вина повлекла за собой другую.

– Вы только послушайте его! Какой будет ущерб твоим богам, если ты поиграешь с ребенком? А песенка была отлично спета. Едемте дальше, и я спою тебе старую песню о Никал-Сейне у врат Дели.

Они выбрались из-под сумрака манговой рощи, и высокий пронзительный голос старика зазвенел над полями; в чередованиях протяжных воплей развертывалась история Никал-Сейна (Николсона); песня эта поется в Пенджабе и ныне. Ким был в восторге, а лама слушал с глубоким интересом.

– «Ахи! Никал-Сейн погиб, он погиб у врат Дели! Пики Севера, мстите за Никал-Сейна», – дрожащим голосом он пропел песню до конца, плашмя хлопая саблей по крупу пони, чтобы подчеркнуть трели.

– А теперь мы дошли до Большой Дороги, – сказал он, выслушав похвалы Кима, ибо лама хранил выразительное молчание. – Давно уже я не ездил этим путем, но речи твоего мальчика

взбодрили меня. Видишь, святой человек, вот он – Великий Путь, хребет всего Хинда. Почти на всем его протяжении, так же, как и здесь, растут четыре ряда деревьев. По среднему проезду – он весь вымощен – повозки движутся быстро. Когда еще не было железных дорог, сахибы сотнями ездили здесь туда и обратно. Теперь тут встречаются почти одни крестьянские телеги. Слева и справа дорога попроще, для возов, – тут возят зерно, хлопок, дрова, корм для скота, известь и кожи.

Человек едет здесь без опаски, ибо через каждые несколько косов имеется полицейский участок. Полицейские все воры и вымогатели (я сам охотно обошел бы их дозором с кавалерией – с отрядом молодых новобранцев под командой строгого начальника), но они, по крайней мере, не допускают соперников. Тут проходят люди всех родов и всех каст. Гляди! Брахманы и *чамары*, банкиры и медники, цирюльники и *банья*, паломники и горшечники – весь мир приходит и уходит. Для меня это как бы река, из которой меня вытащили, как бревно после паводка.

В самом деле, Великий Колесный Путь представляет собой замечательное зрелище. Он идет прямо, неся на себе густую подвижную индийскую толпу на протяжении полутора тысяч миль. Река жизни, не имеющая себе равных во всем мире. Путники смотрели вдаль на ее обнесенную зелеными арками, усеянную пятнами тени перспективу, на эту белую широкую полосу, испещренную медленно движущимися людьми, и на двухкомнатный дом полицейского участка, стоявший напротив.

– Кто это, вопреки закону, носит оружие? – смеясь окликнул их полицейский, заметив меч у военного. – Разве полиции не хватает, чтобы искоренять преступников?

– Я из-за полиции-то и купил его! – прозвучал ответ. – Все ли благополучно в Хинде?

– Все благополучно, рисалдар-сахиб.

– Я, видишь ли, вроде старой черепахи, которая высовывает голову на берег, а потом втягивает ее обратно. Да, это путь Хиндустана. Все люди проходят этой дорогой...

– Сын свиньи, разве немощная сторона дороги для того сделана, чтобы ты себе спину на ней чесал? Отец всех дочерей позора и муж десяти тысяч развратниц, твоя мать предавалась дьяволу и этому выучилась у матери своей; тетки твои в семи поколениях все были безносые!.. А сестра твоя... Чья совиная глупость велела тебе ставить свои повозки поперек дороги? Колесо сломалось? Вот проломлю тебе голову, тогда и ставь их рядышком, – на досуге!

Голос и пронзительный свист хлыста доносились из-за столба пыли в пятидесяти ярдах отсюда, где сломалась какая-то повозка.

Тонкая, высокая катхиаварская кобыла с пылающими глазами и ноздрями, фыркающая и дрожа, вылетела из толпы, и всадник направил ее поперек дороги в погоню за вопящим человеком. Всадник был высок и седоброд; он сидел на почти обезумевшей лошади, словно составляя с ней одно целое, и привычно хлестал на скаку свою жертву.

Лицо старика засияло гордостью.

– Сын мой! – отрывисто произнес он и, натянув поводья, постарался надлежащим образом изогнуть шею своего пони.

– Как смеют меня избивать в присутствии полиции? – кричал возчик. – Правосудие! Я требую правосудия...

– Как смеет преграждать мне путь визгливая обезьяна, которая опрокидывает десять тысяч мешков под носом у молодой лошади?.. Так можно кобылу испортить.

– Он прав. Он прав. Но она отлично слушается седока, – сказал старик.

Возчик укрылся под колесами своей повозки и оттуда угрожал разного рода мстью.

– Крепкие парни твои сыновья, – заметил полицейский, безмятежно ковыряя в зубах.

Всадник в последний раз изо всех сил ударил хлыстом и подъехал легким галопом.

– Отец! – Он остановился в десяти ярдах и спешил. Старик в одно мгновение соскочил со своего пони, и они обнялись, как это в обычае на Востоке между отцом и сыном.

Глава IV

*Фортуна отнюдь не дама;
Нет бабы распутней и злей.
Хитра, коварна, упряма, —
Попробуй справиться с ней!
Ты к ней, а она к другому;
Кивнешь — норовит убежать;*

*Стань к ней спиной — полетит за тобой;
Позовешь — удирает опять!
Щедрость! Щедрость! Фортуна!
Даришь ты или нет, —
Стоит забыть Фортуну, —
Мчится Фортуна мне вслед!*

«Волшебные шапочки»

Потом они, понизив голос, стали разговаривать между собой. Ким улегся отдохнуть под деревом, но лама нетерпеливо потянул его за локоть.

— Пойдем дальше. Моя Река не здесь.

— *Хай май!* Неужели мы мало прошли? Не убежит наша Река, потерпи немного, он нам подаст что-нибудь.

— А это — Друг Звезд, — неожиданно проговорил старый солдат. — Он передал мне вчера эти новости. Ему было видение, что тот человек самолично отдавал приказ начать войну.

— Хм! — произнес его сын глубоким грудным голосом. — Он наслушался базарных толков и пересказывает их.

Отец рассмеялся.

— Но он, по крайней мере, не помчался ко мне за новым боевым конем и, бог знает, за каким количеством рупий. А что, полки твоих братьев тоже получили приказ?

— Не знаю. Я взял отпуск и спешно поехал к тебе на случай...

— На случай, если они раньше тебя примчатся выпрашивать деньги! О, все вы игроки и моты! Но ты еще ни разу не участвовал в конной атаке. Тут, и правда, хороший конь понадобится. И еще хороший слуга и хороший пони для похода. Подумаем, подумаем... — он забарабанил пальцами по луке седла.

— Здесь не место производить расчеты, отец. Едем к тебе.

— По крайней мере, дай денег мальчику; у меня нет при себе ни одной пайсы, а он принес благоприятные вести. Хо! Друг Всего Мира, война начинается, как ты и предсказывал.

— Да, война; я знаю, — спокойно подтвердил Ким.

— Что? — произнес лама, перебирая четки; ему не терпелось продолжать путь.

— Мой учитель не тревожит звезд за плату. Мы принесли вести, будь свидетель, мы принесли вести, а теперь уходим. — Ким слегка согнул ладонь, прижав ее к боку.

Сын старика, ворча что-то насчет нищих и фокусников, подбросил вверх серебряную монету, сверкнувшую на солнце. Это была монета в четыре аны, и на эти деньги можно было хорошо питаться в течение нескольких дней. Лама, заметив блеск металла, забормотал монотонное благословение.

– Иди своим путем, Друг Всего Мира, – прогремел старый воин, погоняя своего костлявого пони. – Единственный раз в жизни встретил я настоящего пророка, который не служил в армии...

Отец с сыном свернули в сторону; старик сидел так же прямо, как и сын.

Полицейский-пенджабец в желтых полотняных шароварах, тяжело ступая, направился к путникам через дорогу. Он видел, как мелькнула монета.

– Стой! – выразительно крикнул он по-английски. – Или вы не знаете, что с тех, кто выходит на тракт с этого поселка, полагается взимать налог по две аны с головы; всего четыре аны? Это приказ *сиркара*, и деньги идут на посадку деревьев и украшение дорог.

– И в брюхо полицейским, – отрезал Ким, отскакивая в сторону. – Подумай чуточку, человек с глиняной головой. Неужто ты полагаешь, что мы, как твой тесть-лягушка, выскочили из ближайшей лужи? Ты слышал когда-нибудь, как звали твоего брата?

– А кто он такой был? Оставь мальчика в покое, – в восторге крикнул старший полицейский, усаживаясь на веранде покурить трубку.

– Он снял ярлык с бутылки *билайти-пани* (содовой воды) и, повесив ее на какой-то мост, целый месяц собирал налог с прохожих, говоря, что на это есть приказ сиркара. Потом приехал один англичанин и проломил ему голову. Нет, брат, я городская ворона, а не деревенская.

Полицейский, пристыженный, удалился, а Ким улюлюкал ему вслед.

– Был ли на свете такой ученик, как я? – весело крикнул он лама. – Тебе через десять миль от Лахора успели бы обглодать все кости, не оберегай я тебя.

– Я все думаю, кто ты такой; иной раз кажется – добрый дух, иной раз – злой бесенок, – сказал лама, тихо улыбаясь.

– Я твой чела, – Ким зашагал рядом с ним походкой, которая свойственна всем идущим в далекий путь бродягам мира и описать которую невозможно.

– Ну, пойдем, – пробормотал лама, и они в молчании шли милую за милей под бряканье его четок. Лама, как всегда, погрузился в размышления, но глаза Кима были широко открыты. Он думал, насколько эта широкая, улыбающаяся река жизни лучше тесных, людных лахорских улиц. На каждом шагу тут встречались новые люди и новые впечатления – касты, с которыми он был знаком, и касты, совершенно ему неизвестные.

Они встретили толпу длинноволосых, остро пахнущих *санси*, несущих на спине корзины, полные ящериц и другой нечистой пищи. За ними, принохиваясь к их пяткам, шли тощие собаки, как бы крадучись, а все другие касты далеко обходили их, ибо прикосновение к санси влечет за собой тяжкое осквернение. За ними в густой тени широкими, негибкими шагами, напоминающими о недавно снятых ножных кандалах, шагал человек, только что выпущенный из тюрьмы; большой живот его и лоснящаяся кожа доказывали, что правительство кормит заключенных лучше, чем может прокормить себя большинство честных людей. Ким хорошо знал эту походку и мимоходом посмеялся над этим человеком. Потом мимо них прошествовал *акали* – взлохмоченный сикхский подвижник с диким взглядом, в синей клетчатой одежде, отличающей его единоверцев, в синем высоком коническом тюрбане с блестящими дисками из полированной стали; он возвращался из одного независимого сикхского княжества, где пел о древней славе *халсы* окончившим колледжи князькам в высоких сапогах и белых бриджах из бумажной материи. Ким не решился дразнить этого человека, ибо нрав у акали вспыльчив, а рука быстра. Время от времени им встречались или их обгоняли ярко одетые толпы – жители целой деревни, идущие на местную ярмарку; женщины с младенцами на бедрах шагали сзади мужчин, мальчики постарше скакали на палках из сахарного тростника, тащили грубые медные модели паровозов ценой в полпенни или пускали зайчиков в глаза старшим при помощи дешевых крошечных зеркал. С первого взгляда можно было узнать, кто что купил, а если возникало сомнение, достаточно было посмотреть на женщин, которые, приложив одну смуглую руку к другой, сравнивали свои новые браслеты из тусклого стекла, привозимые с северо-запада.

Веселая толпа шла медленно, люди окликали друг друга, останавливались поторговаться с продавцами сластей или помолиться у придорожных храмик, индуистских и мусульманских, почитаемых низшими слоями верующих той и другой религии с одинаковой похвальной веротерпимостью. Длинная голубая вереница людей, волнистая как спина торопливой гусеницы, извивалась среди трепещущих облаков пыли и быстро шла мимо, громко кудахтая. То была группа *чангар* – женщин, взявших на себя заботу обо всех насыпях северных железных дорог, – плоскоступое, полногрудое, ширококостное, одетое в голубые юбки племени носильщиц, занимающихся земляными работами; они спешили на север, узнав по слухам, что там есть работа, и не задерживались по дороге. Эти женщины – из той касты, где с мужчинами не считаются, и шли они, расставив локти, играя бедрами и высоко подняв головы, как это делают женщины, привыкшие носить тяжелый груз. Немного погодя на Великий Колесный Путь вступила свадебная процессия, сопровождаемая музыкой, криками, запахами ноготков и жасмина, еще более резкими, чем запах пыли. Носилки невесты – красное, усеянное блестками пятно – качаясь, маячили сквозь дымку, а обвитый гирляндами пони жениха отступал в сторону, норовя ухватить пучок сена с проезжающего мимо воза. Ким внес свою долю в фейерверк добрых пожеланий и грубых шуток и пожелал новобрачным родить сто сыновей и ни одной дочери, как говорится в пословице. Было еще интереснее, еще больше хотелось кричать, когда появлялся бродячий фокусник с полудрессированными обезьянами или слабым, задыхающимся медведем, или женщиной, которая, привязав к ногам козлиные рога, плясала на канате; лошади тогда пугались, а женщины испускали пронзительные, протяжные крики изумления.

Лама не поднимал глаз. Он не замечал ни ростовщика на вислозадом пони, спешащего на сбор своих грабительских процентов, ни крикливой низкоголосой кучки туземных солдат-отпускников, по привычке шагающих в военном строю; ребята были в восторге, что отделились, наконец, от своих штанов и обмоток, и отпускали самые оскорбительные замечания в адрес самых почтенных из встречаемых женщин. Он не заметил даже продавца гангской воды, а ведь Ким ожидал, что он купит хотя бы одну бутылку этой драгоценной жидкости. Он упорно смотрел в землю и так же упорно шагал час за часом, и душа его пребывала где-то далеко. Но Ким был на седьмом небе от радости. В этом месте Великий Колесный Путь проходит по насыпи, построенной для защиты от зимних наводнений, грозящих со стороны горных отрогов; здесь они двигались над равниной по своего рода величественному коридору, и можно было видеть всю Индию, расстилающуюся слева и справа. Хорошо было смотреть на ползущие по проселкам возы зерна и хлопка, каждый из которых тащило несколько волов; скрип колес доносился издали, за целую милю, они приближались, и вот, наконец, под крики, визг и ругань поднимались по крутому наклону и въезжали на главный мощный проезд, где возчики поносили друг друга. Так же интересно было смотреть на людей – красные, синие, розовые, белые, желтые кучки пешеходов, которые сворачивали в сторону к своим деревням и, разделившись на маленькие группы, по два, по три человека, шли дальше по плоской равнине. Ким с интересом наблюдал все это, хотя и не мог бы выразить своих чувств словами, поэтому он довольствовался тем, что покупал себе очищенный сахарный тростник и энергично выплевывал сердцевину на дорогу. Лама время от времени брал понюшку табаку, и в конце концов молчание стало тягостно Киму.

– Хорошая это страна – страна юга! – промолвил он. – Воздух хороший, вода хорошая. А?

– И все они привязаны к Колесу, – откликнулся лама, – и остаются привязанными поколение за поколением. Никому из этих людей не был указан Путь. – Он встряхнулся и возвратился в этот мир.

– Ну, мы прошли утомительный путь, – сказал Ким. – Наверное, скоро дойдем до какого-нибудь *парао* (место отдыха). Давай остановимся там? Смотри, солнце садится.

– Кто даст нам приют вечером?

– Все равно. В этой стране добрых людей много. Кроме того, – тут он понизил голос до шепота, – у нас есть деньги.

Толпа густела по мере того, как они приближались к месту отдыха, отмечавшему конец дневного пути. Ряд ларьков, торгующих самой простой пищей и табаком, куча дров, полицейский участок, колодец, кормушка для лошадей, несколько деревьев и под ними истоптанная земля, усеянная черной золой от горевших здесь некогда костров, – вот все отличительные признаки парао на Великом Колесном Пути, если не считать голодных нищих и столь же голодных ворон.

В этот час солнце пронизывало нижние ветви манговых деревьев широкими золотыми спицами: маленькие длиннохвостые попугаи и голуби сотнями возвращались домой; «семь сестер» – болтливые птички с серыми спинками, щебеча о дневных приключениях, прыгали попарно или по трое, чуть ли не под ногами у пешеходов, а возня и суматоха в ветвях говорили о том, что летучие мыши готовы вылететь на ночной дозор. Свет быстро стянулся в одно место, на одно мгновение окрасив лица, тележные колеса и воловы рога кроваво-красной краской. Потом наступила ночь. Она охладила воздух, покрыла лицо земли низкой, ровной дымкой, похожей на голубую газовую вуаль, и принесла едкий, крепкий запах дыма и скота и аромат пшеничных лепешек, пекущихся в золе. Вечерний патруль торопливо вышел из полицейского участка, сопровождаемый важным покашливанием и повторяющимися приказаниями; тлеющий уголек ярко рдел в чашечке хукки, которую курил возчик, расположившийся на краю дороги, а глаза Кима машинально следили за последним отблеском солнца на медных щипцах.

Жизнь на парао была очень похожа на жизнь Кашмирского караван-сарая в меньшем масштабе. Ким окунулся в радостную азиатскую суету, среди которой, если иметь терпение, можно получить все, что нужно нетребовательному человеку.

Ким был скромен в своих потребностях, а поскольку лама не соблюдал кастовых запретов, они могли бы взять готовую пищу из ближнего ларька; но Ким хотел развести огонь и позволил себе роскошь купить охапку сухого навоза. Люди бродили взад и вперед вокруг маленьких костров, громко просили масла, или зерна, или сладостей, или табаку, толкались в очереди у колодца, а из недвижно стоявших закрытых повозок доносились, примешиваясь к мужским голосам, высокие взвизгивания и хихиканье женщин, чьи лица посторонним видеть нельзя.

В наши дни образованные туземцы придерживаются того взгляда, что, когда их женщины путешествуют, – а они много разъезжают по гостям – лучше всего быстро перевозить их по железной дороге, в хорошо закрытых купе, и этот обычай все более распространяется. Но всегда находятся старозаветные люди, соблюдающие обычаи праотцев, и, что еще важнее, всегда находятся старухи, более консервативные, чем мужчины, жаждущие к концу своих дней странствовать по святым местам. Увядавшие и непривлекательные, они иногда решаются приподнимать покрывало. После длительного заточения, во время которого они принимали деловое участие во множестве событий внешнего мира, они наслаждаются суетой и движением на большой дороге, сборищами у храмов и беспредельной возможностью поболтать с другими подобными им почтенными вдовами. Долготерпеливое семейство частенько радуется тому, что бойкая и острая на язык, властная пожилая матрона странствует по Индии с такой благой целью; ведь паломничество, несомненно, угодно богам. Поэтому во всей Индии, и в самых глухих и в самых людных местах, можно встретить кучку посевших служителей, словно бы охраняющих почтенную пожилую даму, более или менее закутанную и спрятанную в запряженной волами повозке. Это – благоразумные, осмотрительные люди, и, когда приближается европеец или туземец высокой касты, они окружают вверенную им особу сетью показных предосторожностей. Но против случайных встреч, обычных во время паломничества, никто не возражает. В конце концов старой даме не чуждо ничто человеческое и она живет, чтобы наблюдать жизнь.

Ким заметил только что прибывший на парао ярко украшенный *ратх* – семейный экипаж, запряженный волами, с вышитым балдахин, увенчанным двумя куполами и похожим

на двугорбого верблюда. Восемь человек конвоировали эту повозку, и двое из них были вооружены заржавленными саблями – верный признак, что они сопровождали знатную особу, ибо простой народ не носит оружия. Все более и более громкое кудахтанье – смесь жалоб, приказаний, шуток и того, что европейцам показалось бы непристойной бранью, – слышалось из-за занавесок. Женщина, сидевшая за ними, очевидно, привыкла повелевать.

Ким критически оглядел конвой. Он состоял наполовину из тонконогих седобородых *уриев* с юга, наполовину – из северных горцев в одеждах из грубошерстной ткани и войлочных шапках. Такой неоднородный состав конвоя мог бы многое объяснить Киму, даже если бы он не подслушал непрестанных препирательств между обеими партиями. Почтенная старуха ехала в гости на юг, вероятно к богатым родственникам, а всего вернее – к зятю, который в знак уважения выслал ей навстречу свою охрану. Горцы, видимо, были ее единоплеменниками – уроженцами Кулу или Кангры. Ясное дело, она не везла с собой дочери-невесты, ибо в таком случае занавески были бы крепко завязаны и стражи никого не подпускали бы к повозке.

«Веселая, бойкая баба», – думал Ким, балансируя с лепешкой сухого навоза в одной руке, вареной пищей – в другой и плечом подталкивая ламу вперед. Из этой встречи, пожалуй, можно извлечь пользу. Лама ему не поможет, но, как добросовестный чела, Ким был готов просить милостыню за двоих.

Он развел костер как можно ближе к повозке, ожидая, что один из стражей прикажет ему убраться. Лама, усталый, опустился на землю, подобно тому, как опускается отяжелевшая и наевшаяся плодов летучая мышь, и принялся за свои четки.



На большой дороге

– Отойди подальше, нищий! – крикнул на ломаном хиндустани один из горцев.

– Ха! Да это какой-то *пахари* (горец), – уронил Ким через плечо. – С каких это пор горные ослы завладели всем Индостаном?

Ответом послужил стремительный и блестящий очерк родословной Кима за три поколения.

– А! – никогда голос Кима не был таким елейным. Он ломал лепешку сухого навоза на мелкие куски. – На *моей* родине мы назвали бы это началом любовного объяснения.

Резкое, пискливое кудахтанье за занавесками побудило горца к новому взрыву негодования.

– Не так плохо, не так плохо, – хладнокровно промолвил Ким, – но берегись, брат, не то мы, я повторяю, – *мы*, проклянем тебя раз-другой в наказание. А наши проклятия обычно попадают в точку.

Урии расхохотались; горец угрожающе скакнул вперед; лама внезапно поднял голову, и пламя разведенного Кимом костра ярко осветило его огромную, похожую на берет шапку.

– Что такое? – спросил он.

Человек остановился как вкопанный.

– Я – я... спасся от великого греха, – запинаясь проговорил он.

– Чужеземец нашел-таки себе жреца, – прошептал один из уриев.

– Хай! Почему этого нищего парнишку еще не отстегали как следует? – крикнула старуха.

Горец отошел к повозке и начал что-то шептать перед занавесками. Наступила мертвая тишина, потом послышалось бормотанье.

– Дела идут хорошо, – решил Ким, притворяясь, что ничего не слышит и не видит.

– Когда... когда... он покушает, – подобострастно обратился горец к Киму, – просят... чтобы святой человек оказал честь побеседовать с особой, которая желает поговорить с ним.

– Когда он покушает, он ляжет спать, – высокомерно произнес Ким. Он еще не мог догадаться, как повернется игра, но твердо решил извлечь из нее пользу. – Теперь я пойду добывать ему пищу. – Последняя фраза, сказанная громким голосом, завершилась вздохом притворного утомления.

– Я – я сам и прочие мои земляки позаботимся о нем... если это дозволяется.

– Дозволяется, – проговорил Ким еще более высокомерно. – Святой человек, эти люди принесут нам пищу.

– Хорошая страна. Вся южная земля хороша... великий и страшный мир, – дремотно бормотал лама.

– Пусть спит, – сказал Ким, – но позаботьтесь, чтобы его хорошо накормили, когда он проснется. Он очень святой человек.

Один из уриев опять сказал что-то презрительным тоном.

– Он не факир. Он не деревенский нищий, – строго продолжал Ким, обращаясь к звездам. – Он святейший из святых людей. Он выше всех каст. Я его чела.

– Поди сюда! – послышался ровный тонкий голос, и Ким подошел, зная, что невидимые ему глаза впились в него. Костлявый коричневый палец, отягченный перстнями, лежал на краю повозки, и вот какой произошел разговор.

– Что это за человек?

– Величайший святой. Он идет издалека. Он идет из Тибета.

– Из какого именно места в Тибете?

– Из-за снегов... из очень отдаленного места. Он знает звезды, он составляет гороскопы, предсказывает судьбу. Но он делает это не для денег. Он делает это по доброте и великому милосердию. Я его ученик. Меня зовут Другом Звезд.

– Ты не горец.

– Спроси его. Он расскажет тебе, что я был послан звездами указать ему путь к цели его паломничества.

– Хмф! Слушай, щенок, я старая женщина и не совсем дура! Лам я знаю и почитаю, но ты такой же истинный чела, как этот мой палец – дышло от этой повозки. Ты индус без касты, дерзкий и наглый нищий и, наверное, только из корысти присоседился к этому святому человеку.

– А разве мы не из корысти делаем всякую работу? – Ким быстро переменял тон в соответствии с изменившимся тоном старухи. – Я слышал, – эту тетиву он натянул наудачу, – я слышал...

– Что ты слышал? – подхватила она, стуча пальцем по дереву.

– Я не совсем твердо помню это... просто базарные сплетни, наверное вранье, но что даже раджи... мелкие горные раджи...

– Ноу них, тем не менее, хорошая раджпутская кровь.

– Несомненно, они хорошей крови. Но даже они продают самых красивых своих женщин из корысти. Они продают их на юг, аудхским *заминдарам* и тому подобным людям.

Ничто так упорно не отрицает мелкие горные раджи, как именно это обвинение, но именно этому беспрекословно верит базарная толпа, толкуя о тайной торговле рабами в Индии. Сдержанным негодующим шепотом почтенная дама разъяснила Киму, какой он лукавый лжец. Намекни об этом Ким в те дни, когда она была девушкой, и в тот же вечер ее слон затоптал бы его до смерти. Это было истинной правдой.

– Ахай! Я всего только нищий парнишка, как изволила сказать Око Красоты, – завопил он в притворном ужасе.

– Око Красоты, скажешь тоже! Кто я такая, что ты смеешь приставать ко мне с нищенской лестью? – И все же давно позабытое обращение заставило ее рассмеяться. – Так можно было сказать сорок лет назад, и не без основания. Даже тридцать лет назад. Но вот что выходит, когда шляешься по всему Хинду! Вдова владетельного князя обречена встречаться с подонками и терпеть насмешки нищих.

– Великая владельная княгиня, – быстро подхватил Ким, заметив, что она дрожит от возмущения. – Я именно тот, каким считает меня великая владельная княгиня, но, тем не менее, мой учитель святой. Он еще не слышал приказа великой владетельной княгини.

– Приказа? Мне приказывать святому человеку, учителю Закона... прийти и говорить с женщиной? Никогда!

– Смилуйся над моей глупостью. Я думал, что было отдано приказание.

– Нет, не приказание. То была просьба. Ясно тебе теперь?

Серебряная монета звякнула о край повозки. Ким взял ее и низко поклонился. Старуха понимала, что его нужно умаслить, ведь он был глазами и ушами ламы.

– Я только ученик святого человека. Быть может, он придет после того, как поест.

– О скверный и бесстыдный мошенник! – униженный драгоценными камнями палец неодобрительно погрозил ему, но он слышал, что старуха тихо смеялась.

– А в чем дело? – сказал он, переходя на свой самый ласковый и доверительный тон; перед этим тоном – Ким знал это – могли устоять лишь немногие. – Или... или твоей семье не хватает сына? Говори откровенно, ибо мы, жрецы... – эти слова он полностью заимствовал у одного факира Таксалийских ворот.

– Мы, жрецы! Ты еще не дорос до того, чтобы... – она оборвала шутку новым взрывом смеха, – Ведь мы, о жрец, мы женщины, не всегда думаем только о сыновьях. Кроме того, дочь моя уже родила мальчика.

– Две стрелы в колчане лучше, чем одна, а три еще лучше, – Ким, проговорив пословицу, задумчиво кашлянул и скромно потупил глаза долу.

– Истинно, истинно так. Но, может быть, это еще придет. Конечно, эти южные брахманы никуда не годятся. Я посылала им подарки, и деньги, и опять подарки, а они пророчествовали.

– А! – протянул Ким с невыразимым презрением, – они пророчествовали! (Даже настоящий жрец не сумел бы столь выразительно произнести эти слова.)

– Но не раньше, чем я вспомнила о своих родных богах, были услышаны мои молитвы. Я выбрала благоприятный час и... быть может, твой святой слышал о настоятеле монастыря Ланг-Чо. Я обратилась к нему с этим делом, и, представь себе, через должный срок все вышло так, как я того желала. Тогда брахман, живущий в доме отца сына моей дочери, сказал, что это случилось по его молитвам, но он немного ошибается и я разъясню ему это, когда мы достигнем цели нашего путешествия. Поэтому я потом отправлюсь в Будх-Гаю, чтобы совершить *шраддху* за отца моих детей.

– Туда же идем и мы.

– Вдвойне приятно, – защебетала старая дама. – Родится второй сын!

– О Друг Всего Мира! – Лама проснулся и беспомощно, как ребенок, испуганный тем, что очутился не на своей постели, позвал Кима.

– Иду! Иду, святой человек! – Ким бросился к костру, где застал ламу, уже окруженного блюдами с пищей. Горцы явно преклонялись перед ним, а южане выглядели уныло.

– Ступайте прочь! Убирайтесь! – крикнул Ким. – Неужели нам придется есть на людях, как собакам? – Они в молчании поели, слегка отвернувшись друг от друга, и Ким закончил ужин сигареткой туземного изготовления.

– Не повторял ли я сто раз, что юг – хорошая страна?

– Тут остановилась одна женщина – добродетельная и высокорожденная вдова горного раджи. По ее словам, она совершает паломничество в Буда-Гаю. Она послала нам эти блюда и просит тебя поговорить с ней, когда ты как следует отдохнешь.

– А это тоже твоя работа? – Лама глубоко погрузил пальцы в табакерку.

– Кто кроме меня оберегал тебя с тех самых пор, как началось наше чудесное путешествие? – глаза у Кима так и бегали; он выпустил скверный дым через ноздри и вытянулся на пыльной земле. – Или я не заботился о твоих удобствах, святой человек?

– Вот тебе мое благословение, – лама торжественно наклонил голову. – Много я знал людей за свою столь долгую жизнь и немало учеников. Но ни к кому из людей, если только ты рожден женщиной, так не тянулось мое сердце, как к тебе, – заботливому, умному и учтивому, хотя, порой, маленькому дьяволенку.

– А я никогда не видел такого жреца, как ты, – Ким внимательно рассматривал доброе желтое лицо – морщинку за морщинкой. – Мы меньше трех дней назад вместе отправились в путь, но как будто сто лет прошло.

– Быть может, в одной из прежних жизней мне было позволено оказать тебе какую-нибудь услугу. Быть может, – он улыбнулся, – я выпустил тебя из ловушки или, поймав тебя на удочку, в дни, когда сам еще не обрел просветления, выбросил обратно в реку.

– Возможно, – спокойно согласился Ким. Он много раз слышал такие рассуждения от людей, которых англичане сочли бы не одаренными сильным воображением, – Теперь, что касается женщины в повозке, я думаю, что ей требуется второй сын для ее дочери.

– Это не имеет отношения к Пути, – вздохнул лама, – но ведь она родом с Гор. О Горы и горные снега!

Он встал и направился к повозке. Ким дал бы уши себе отрезать, лишь бы пойти вместе с ним, но лама не пригласил его, а те несколько слов, которые ему удалось уловить, были произнесены на незнакомом ему языке, ибо разговор шел на каком-то горном наречии. Женщина, видимо, задавала вопросы, над которыми лама думал, прежде чем ответить. Время от времени слышались певучие модуляции китайских наречий. Странную картину наблюдал Ким из-под полуопущенных век. Лама стоял выпрямившись во весь рост, причем в свете костров, горевших на парао, желтая одежда его казалась изрезанной черными полосами глубоких складок, подобно тому как узловатый древесный ствол на закате кажется изрезанным тенями, и обращался с речью к расшитому мишурой и лакированному ратху, пылающему в этом неверном свете, как многоцветное драгоценное украшение. Узоры на вышитых золотом занавесках текли вверх и вниз, расплывались и изменялись по мере того, как ткани качались и трепетали на ночном ветру, и когда беседа приняла более серьезный характер, униженный драгоценностями указательный палец рассыпал искорки света между вышивками. За повозкой стояла стена смутного мрака, испещренная огоньками и кишевшая неясными очертаниями, лицами и тенями. Голоса раннего вечера слились в один мягкий гул, и самым низким звуком его было неторопливое чавканье быков, жующих резаную солому, самым высоким – треньканье *ситара* какой-то бенгальской танцовщицы. Большинство мужчин уже поужинало и усердно потягивало свои булькающие, хрюкающие хукки, которые, когда они разгорятся, издадут звуки, похожие на кваканье лягушки-быка.

Лама, наконец, вернулся. За ним шел горец с одеялом из бумажной ткани, подбитым ватой, которое он заботливо разостлал у костра.

– Она заслуживает десяти тысяч внуков, – подумал Ким. – Тем не менее, не будь меня, ему не удалось бы получить такие подарки.

– Добродетельная женщина... и мудрая, – лама стал укладываться, и все члены его, сустав за суставом, становились вялыми, как у утомленного верблюда. – Мир полон милосердия к тем, кто следует по Пути. – Он накинул большую часть одеяла на Кима.

– А что она сказала? – Ким завернулся в свою часть одеяла.

– Она задала мне множество вопросов и предложила решить множество задач; большей частью это – пустые сказки, которые она слышала от монахов, поклоняющихся дьяволам, но лживо заявляющих, что они идут по Пути. На иное я ответил, иное назвал пустяками. Многие носят Одеяние, но немногие следуют по Пути.

– Истинно. Это истинно, – Ким сказал это участливым примирительным тоном человека, который хочет вызвать собеседника на откровенность.

– Но сама она рассуждает в высшей степени здраво. Она очень хочет, чтобы мы вместе с ней отправились в Бух-Гаю; как я понял, нам с ней по пути, ибо нам в течение многих дней придется идти на юг той же дорогой.

– И что?

– Потерпи немного. На это я сказал, что мое Искание важнее всего. Она слышала много небылиц, но великой истины о моей Реке никогда не слыхала... Вот каковы духовные лица, живущие в Гималайских отрогах. Она знала настоятеля Ланг-Чо, но не знала ни о моей Реке, ни сказания о Стреле.

– Ну?

– Поэтому я говорил ей об Искании, и о Пути, и о прочих полезных для души предметах. Она же хотела только, чтобы я сопровождал ее и вымолил ей второго внука.

– Аха! «Мы, женщины, только и думаем, что о детях», – сонно проговорил Ким.

– Однако раз уж наши дороги на время сошлись, я не думаю, что мы хоть сколько-нибудь уклонимся от Искания, если будем сопровождать ее, хотя бы только до... я забыл название города.

– Эй! – Ким повернулся и громким шепотом окликнул одного из уриев, сидевшего в нескольких ярдах от них. – Где живет ваш хозяин?

– Немного дальше Сахаранпура, среди фруктовых садов, – урия назвал деревню.

– Вот это самое место и есть, – сказал лама. – До этой деревни мы можем идти с нею.

– Мухи слетаются на падаль, – безучастно промолвил урия.

– Больной корове – ворону, больному человеку – брахмана. – Ким тихо произнес поговорку, не обращая ни к кому в особенности, но глядя вверх на укутанные тенью верхушки деревьев.

Урия буркнул что-то и замолчал.

– Так, значит, мы пойдем с нею, святой человек?

– А разве этому что-нибудь препятствует? Ведь я смогу отходить в сторону и проверять все реки, которые будут пересекать дорогу. Она желает, чтобы я сопровождал ее. Она очень желает этого.

Ким приглушил взрыв смеха, уткнувшись в одеяло. Он думал, что, как только властная пожилая дама преодолеет свойственный ей почтительный страх перед всяким ламой, ее любопытно будет послушать.

Он уже почти заснул, как вдруг лама произнес поговорку: – Мужья болтливых женщин получают великую награду в будущей жизни. – Потом Ким услышал, как он одну за другой взял три понюшки табаку и, продолжая смеяться, задремал.

Рассвет яркий, как алмазы, разбудил и людей, и волов, и ворон.

Ким сел, зевнул, встряхнулся и затрепетал от восторга. Вот что значит видеть мир по-настоящему; вот жизнь, которая ему по душе: суeta и крики, звон застегивающихся поясов и удары бичей по волам, скрип колес, разжиганье костров и приготовление пищи, новые картины всюду, куда ни бросишь радостный взгляд. Утренний туман уплывал, свертываясь серебряными завитками, попугаи крикливыми зелеными стаями мчались к далекой реке, заработали все колодезные колеса. Индия пробудилась, и Ким был в ней самым бодрствующим, самым оживленным из всех. Он чистил себе зубы, жуя прутик, заменявший ему зубную щетку, ибо с готовностью перенимал все обычаи этой страны, которую знал и любил. Не нужно было заботиться о пище, не нужно было тратить ни одной *каури*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.